

Своя

ноябрь 2016

журнал
Никиты Михалкова

В ПОИСКАХ

ИСТИНЫ

11 ноября — 195 лет
со дня рождения
Федора Михайловича
Достоевского

ФОТО: ТРИГОРИЙ КАДАНЬИН, АЛЕКСАНДР ОБВИЧНИКОВ/ТАСС

В. ПЕРОВ. ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ ФЕДОРА МИХАЙЛОВИЧА ДОСТОЕВСКОГО. 1872. ФРАГМЕНТ

**Когда Русь
мир спасет**
Правда и ложь
о «слезинке ребенка»

**«Один удался —
Крашенинников»**
Трудные версты
сверстника Ломоносова

Метод Пырьева
Что инкриминировали
создателю
«Кубанских казаков»

Департамент культуры города Москвы приглашает в Музей истории «Лефортово» на выставку «Вдохновленные Москвой».

Здесь представлены акварели и открытки художников Дергилёвых. Глава семейства Иван Яковлевич работал в Дирекции по изданию и экспедированию знаков почтовой оплаты Министерства связи СССР. Созданные им поздравительные открытки выпускались в гигантском количестве — до 56 миллионов экземпляров: их общий тираж составил около 7 миллиардов. Одна из них занесена в Книгу рекордов Гиннеса. Новаторство мастера заключалось в том, что он соединил в оригинальном дизайне фотографию и рисунок.

Дочь Ивана Яковлевича Алена — автор серий графики «Прогулки по Москве», «Чувство города». Она изображает старые и новые здания, типичные или, наоборот, в чем-то необычные московские дворы, показывает современную жизнь так, как ее видит, — взглядом неординарного, к тому же влюбленного в столицу художника.

Выставка продлится до 12 января 2017 года.

Адрес музея: Москва, ул. Крюковская, дом 23.

Подробнее о Музее истории «Лефортово» читайте на с. 43

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

2	Слово издателя
В поисках истины	28–31	Наука побеждать
С главной площади — на фронт
Вспоминаем героический парад
7 ноября 1941 года
3–7	Достояние
Когда Русь мир спасет	32–34	Родное слово
Энрофа тернистые тропы
По каким мирам блуждал
Андреев-младший
8–11	Символ веры
Свободный каторжник
О духовном перерождении
гениального «петрашевца»	35–39	Стоп-кадр
Метод Пырьева
12–15	Философ о философе
Великое раздвоение
Николай Лосский: зло преходяще,
добро вечно	40–42	Ретроспектива
Шахматный демон
Экспромты-аномалии Михаила Таля
16–19	Корневая система
Казак Датский и Луганский
215 лет назад родился составитель
«Толкового словаря живого
великорусского языка»	43–47	На семи холмах
Тут и Лефорт, и Тиммерман
Уникальный исторический музей
приглашает
20–23	Русская Евразия
«Один удался — Крашенинников»	48	Трапезная
Перепечи против пиццы
24–27	Живая история
Реформы и потрясения
Столыпинские преобразования —
взгляд из XXI века		

Главный редактор Алексей Зверев, **шеф-редактор** Наталья Семина, **ответственный секретарь** Сергей Громов

Отдел рекламы: +7 (499) 418-0499 доб. 44-32

Отдел распространения: +7 (495) 685-4925, +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (499) 418-0499, +7 (495) 685-0633

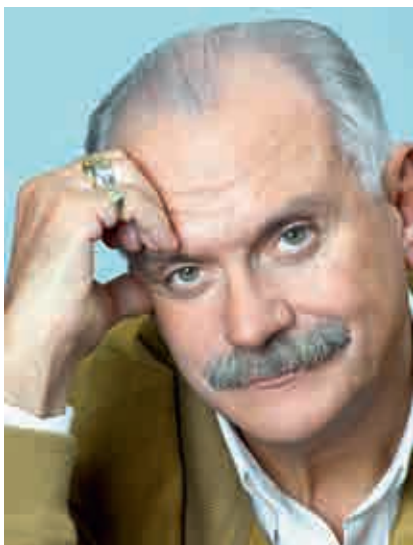
«СВОИ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство ПИ № ФС77-57665 от 18 апреля 2014 г.

Адрес редакции: 127055, Новослободская ул., 73, стр. 1

Отпечатано в типографии ООО «Первый полиграфический комбинат»

Тираж 40 115

Подписано в печать 18 октября 2016 г.

В поисках истины

Бесконечные споры о национальных путях, судьбах родины можно свести, как мне видится, к простому вопросу: мы принимаем взгляды, убеждения наших гениальных писателей, философов, полководцев, святых праведников, берем во внимание их подлинные мировоззренческие установки? Или же замечаем там лишь то, что в данный момент «выгодно»? Согласившись с тем, что Россия до 1991 года была царством крошечной тьмы, Александра Сергеевича Пушкина, например, очень легко задним числом определить во враги монархии. Кто-то так и поступает, цитируя его честный и якобы исчерпывающий ответ на вопрос Николая I: «Что сделали бы вы, если бы 14 декабря были в Петербурге?...» — «Стал бы в ряды мятежников». Хотя по другому, куда более правдоподобному свидетельству, Александр Сергеевич к тому признанию добавил: «Одно лишь отсутствие (на Сенатской площади) спасло меня, за что я благодарю Бога!»

Заметьте, Пушкин был благодарен Создателю за то, что Тот уберет его от участия в мятеже. А разве не говорят о подлинных воззрениях поэта слова о нежелании «перемнить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков» или его же вещая фраза: «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!»?

Еще больше «повезло» в этом смысле Достоевскому. Его — пророка, человека, недвусмысленно предрекшего и тщетность наших надежд на нерушимое единство с некоторыми народами, спасенными нами от поголовного уничтожения, и разгул бесов в России, и многое-многое другое, — на Западе, а равно в отечественных не обремененных образованностью кругах многие воспринимают как автора одного «триллера» — «Преступление и наказание». Плюс нескольких странных драм, где, конечно, есть секс, насилие, убийства и прочие «занимательные вещи», но далеко не все понятно с моралью...

А ведь Достоевский обращался в своих произведениях не столько даже к своим современникам, сколько к потомкам, в том числе к нам, ныне живущим. Только вдумайтесь в его знаменитую фразу: «Если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной». Какова сегодня доля людей — как в нашей стране, пережившей эпоху атеизма, так и в остальном условно христианском мире — всецело, умом и сердцем признающих такую тождественность?

Ради своего интеллектуального, духовного, эстетического развития мы должны изучать наследие Достоевского и других национальных гениев в первую очередь не по фильмам (и уж тем более не по всевозможным «комиксам»). А по собраниям сочинений, в которых — отмечу особо — едва ли не самую важную роль играют дневники. И тогда, поверьте, откроется много нового и удивительного.

A handwritten signature in black ink, appearing to be a stylized name, possibly 'Иван' or similar, written in a cursive script.

Когда Русь мир спасет

С нередко звучащими предложениями убрать Достоевского из учебных программ согласиться можно разве только в одной частности: он, Федор Михайлович, выше «обычной» классики, и сводить его к единственному, не главному в наследии роману недопустимо.

В идеале могли бы быть отдельные курсы — самой разной (качественной) литературы и творчества величайшего отечественного писателя. Из художественных произведений обязательно следует изучать все великое пятикнижие: «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы». Плюс, конечно же, грандиозный «Дневник писателя» — квинтэссенцию мировоззрения автора и один из важнейших текстов всей нашей национальной мысли. Не читать «Дневник...» для образованного человека должно быть стыдно.

Егор Холмогоров

ДОСТОЕВСКИЙ — та точка, где Россия непосредственно соприкасается с Вечностью. Именно здесь русская мысль поднимается на такие высоты, приобретает такую остроту, что начинает соперничать с самой Библией.

Достоевский не святой. В нем нет той несмятенной ясности и простоты взгляда, что характерны для праведников. Он весь в вопросах и сомнениях, болях и вскриках, борении и движении. В древности, наверное, в нем безошибочно опознали бы пророка. Гневного, как Илия, рыдающего, как Иеремия, иногда пытающегося скрыться от гласа Божия, словно Иона в чреве кита. Даже эпилепсия служила бы свидетельством призвания: нервной системе человека невероятно трудно справиться с «проводкой» Откровения. Однако канон пророков давно закрыт, и мы определяем Достоевского как «просто писателя». Впрочем, нет, не «просто»...

Писателя, который дерзнул, точно праведный Иов, задавать вопросы Богу. Не предлагая при этом навязчиво собственные, антицерковные ответы, не «редактируя» Евангелие в отличие от столь же знаменитого, украшенного графским титулом собрата по перу. Что за вопросы? Самые важные и болезненные на свете. О невинном страдании, о человеческом достоинстве, о том, с кем быть — с Христом или против Христа.

Шутники, изгаляющиеся над «слезинкой ребенка», верно поняли, где центральная мысль философии Достоевского, но совершенно не уразумели самой этой мысли, бесконечно далекой от жалостливости и сентиментализма. Он же ставит вопрос не о жалости, но о справедливости.

Западный взгляд на христианство, сформулированный некогда Ансельмом Кентерберийским, состоит в следующем: грех есть преступление, страдание — наказание. Последнее должно быть неременным, неотменимым и соответственным преступлению. Вся западная традиция права, лежащая в основе той цивилизации, базируется на данном фундаменте.

А. ПЕТРОВ. «СОН СМЕШНОГО ЧЕЛОВЕКА»

Но как быть с тем, спрашивает Достоевский, что в мире полно страданий, которые не являются платой за какой-либо грех, выглядят чистым мучением и беспримесным мучительством. Очень часто видим, как подвергается страшным терзаниям человек без всякого соразмерного греха. И на этом фоне бедствия людей, навлекаемые прегрешениями, теряют свою испуительную силу, поскольку так же мучаются и те, кто ничего не испуает, кого просто истязают.

Гармонии не получается, если объяснимые грехами кары есть лишь «незначительный частный случай» среди наказаний необъяснимых.

Именно этому метафизическому разлому человеческого бытия и посвящен знаменитый монолог Ивана Карамазова. Вопрос о слезинке ребенка переключал в «Братьев...» из «Дневника писателя», где автор подробнейшим образом разобрал речь модного адвоката Спасовича (тот закономерно стал прототипом «нанятой совести» Фетюковича), защитника отца, истязавшего розгами родную дочь. Речь Спасовича была построена на... обвинении ребенка: девочка предстала в его изображении распущенной воровкой, непокорной и неблагодарной. А потому, мол, заслужила любых «воспитательных мер».

Это как раз тот ответ, который дал на вопросы о невинном и непропорциональном человеческом страдании Запад, оказавший предпочтение доводам фарисействующих друзей Иова, а не наставлениям Господа. Дескать, нет никого без греха, как дыма без огня. Если мучишься, то непременно виноват. На такой философии возросла протестантская этика: коли ты беден и несчастен, значит, грешен, а раз богат и успешен — от века призван Богом ко спасению. А там уже недалеко и до фашистской версии нищезанятия: не хочешь мучиться — мучай, не желаешь быть жертвой — становись охотником. Так происходит освобождение от страданий через причинение оных другим.

Достоевский вскрыл эту садистическую бездну, лежащую в основе греховного порядка человеческой жизни и канонизированную западным рационализмом. Пафос писателя сродни сути Книги Иова, где, повторимся, Господь обличает фарисеев, рассуждающих о мнимой вине страдальца. Они мыслили о Боге недостойно, Иов же, призвавший Его на суд и потребовавший отчета о незаслуженных карах, мыслил о Нем как должно, праведно, как о Том, Кто не может и не должен допускать чрезмерного мучительства в мире.

Устами своих персонажей Достоевский задает достойные вопросы и слышит столь же достойный ответ: невинное страдание несправедливо и не может быть оправдано. Для того и приходит Христос в мир, чтобы как Сын Божий испить эту чашу чудовищных мук, для того и существуют христиане, чтобы осушить потоки слез, принести исцеление. Не казуистика расчета

Памятник Ф. Достоевскому в Москве

ФОТО: АЛЕКСАНДР ШТАКОВСКИЙ/ИДР/ГЛАС

преступлений и наказаний, а живая сострадательная любовь, принесенная Спасителем, — вот единственный путь превращения слезинки ребенка в лучики веселья и радости в детских глазах. Именно поэтому Достоевский — самый христоцентричный писатель во всей мировой литературе. Он готов пойти даже против «математически доказанной истины», если она, эта истина, будет против Христа.

С темой искупления страданий тесно связано у него и размышление о человеческом достоинстве. «Человек — это звучит гордо» — присказка множества писателей, мыслителей, творивших и до, и после Достоевского. Немало было и тех, кто носился с формулой «Человек — звучит низко». Иногда оба тезиса объединялись: ничтожный, отверженный, униженный и оскорбленный человек может встать с колен, проявить в себе истинно гордое, отважное, героическое, показать и доказать собственное Я, достоинство, поднятое из грязи. Большая часть европейской литературы последних веков посвящена мысли: «Он низок и мерзок — но, представьте себе, тоже ведь подобие Божие!»

И только Достоевский поставил вопросы по-другому. Может ли человек сохранять достоинство в своей низости-гадости-подлости? Теряет ли он образ Божий, когда, например, сильно пьяненький? А кем предстает, когда всецело подчиняется трусости, лжи, корысти? Является ли жалкий, казалось бы, человек Чело-

веком без трусливо-оправдательного «тоже»? Князь Мышкин отвечает: «Да».

Вспомним идейную кульминацию (как таковую, впрочем, мало кем замеченную) «Идиота» — историю о том, как поручик Келлер под свою «исповедь» хочет занять у князя денег. Главный герой видит просителя насквозь, но в его реакции не обнаруживает ни фарисейского лицемерия, ни наигранного превосходства. Князь признается, что и у него часто бывают двойные мысли — высокая перепутывается с низкой. «Идеальный человек» Лев Николаевич Мышкин понимает и принимает Келлера с его «слабостями», снисходит к нему, одновременно поднимая того до своего уровня. Утверждает в поручике доброе, даже когда оно перепутано с корыстным, гадким.

Человек остается человеком не «вопреки», не «несмотря на» — он просто... им остается. На эту предельную высоту подлинного гуманизма смог забраться только Достоевский с его пророческим даром и собственным опытом униженности, страдания, боли.

Парадоксально, что пророк и гуманист, личность невероятной душевной чуткости, совершенный приемник (а равно преобразователь, изучатель) волн любого вида психики и страстный публицист, «великодержавный» националист-антизападник, славянофил, критик интеллигентского нигилизма, проповедник русского мессианства — один и тот же человек. Причем его гуманизм (по-русски говоря, человечность) и национализм — не две стороны монеты, а единственная. Это — все тот же Достоевский в рамках монолитной, вселенской идеи.

Вспомним, как в строках «Дневника писателя», датированных сентябрем 1876-го, возникает великая формула: «Хозяин земли русской — есть один лишь русский (великорус, малорус, белорус — это все одно) — и так будет навсегда». Она проистекает не из ниоткуда: в печати того времени звучали заявления о том, что России, ввиду ее обширного мусульманского населения, негоже заступаться за болгар, чьих детей сжигали, насаживали на пики, разрывали на части башибузуки, подавлявшие освободительное восстание. По мнению Достоевского, русский не вправе ослаблять свое сочувствие к братскому православному народу ради «деликатности» к иноверцам: «Деликатничать же до такой степени, что бояться сметь обнаружить перед ними самые великодушные и невольные чувства, во все никому не обидные, — чувства сострадания к измученному славянину, хотя бы как и к единоверцу, — кроме того, всячески прятать от татарина все то, что составляет назначение, будущность и, главное, задачу русского, — ведь это есть требование смешное и унижительное для русского...».

То есть «слезинка ребенка» и война за святую веру, родной язык, национальную идентичность не могут быть по разные стороны «монеты». Это, кстати, отлич-

М. ДОБУЖИНСКИЙ. «БЕЛЫЕ НОЧИ», 1922

но понимают и те, кто сегодня защищает детей Донбасса от артобстрелов прямой наводкой, кто поставил огненный заслон перед изуверами из ИГИЛ.

Война, со всей ее неприглядностью и жестокостью, вступает в права тогда, когда мы сталкиваемся лицом к лицу с радикальным злом, осатанелым садизмом. И в этих обстоятельствах подход Достоевского есть мудрость и православная правда, а непротивленчество Толстого — фальшь и лицемерная ересь.

Федор Михайлович пророчески своевременен едва ли не в каждом слове, образе, всякой детали. И это тем более поразительно, что в своих сиюминутных политических прогнозах классик часто ошибался. Порой возникает ощущение, что он живет рядом с нами, сто сорок лет спустя. «Вы говорите: «ну, так деликатничай, секретничай, старайся не оскорбить»... Но, позвольте, если уж он так чувствителен, то ведь он, пожалуй, может вдруг оскорбиться и тем, что на той же улице, где стоит его мечеть, стоит и наша православная церковь, — так уж не снести ли ее с места, чтобы он не оскорбился? Ведь не бежать же русскому из своей земли?»...

На Руси до такого, слава Богу, дело не дошло, зато в «стране святых чудес» Европе подобное пророчество как нельзя более актуально.

А как за полтора столетия до наших дней он прошелся по нынешнему «креативному классу» — сборищу лакеев, ищущих, кому бы сапоги вычистить! Знаменитый рассказ «Крокодил» прогрессивная публика во времена оны восприняла как насмешку над своим кумиром Чернышевским. Иные даже не подавали Достоевскому руки за издевательство над «страдальцем». Но если вчитаться, то окажется, что анекдотичная история чиновника Ивана Матвеича, проглоченного импортным крокодилом, — это пародия на модное тогда «фритредерство», следование либеральным экономическим воззрениям Адама Смита, согласно коим тарифная защита отечественного производства и другие меры протекционизма недопустимы. «Надо бы изменить тариф и поощрять привоз сукон английских, которые крепче, а следственно, и долше будут сопротивляться природе, в случае если попадешь в крокодила».

Кликушеские камлания теперешних либералов по тем или иным «экономическим» поводам всякий раз усиливают ощущение, что уже встречалось все это на страницах трудов Федора Михайловича. И да, характеризовал он сей «капитализм» как форменное людоедство.

«Сами же мы вот хлопочем о привлечении иностранных капиталов в отечество, а вот посудите: едва только капитал привлеченного крокодильщика удвоился через Ивана Матвеича, а мы, чем бы протезировать иностранного собственника, напротив, стараемся самому-то основному капиталу брюхо вспороть. Ну, сообразно ли это? По-моему, Иван Матвеич, как истинный сын отечества, должен еще радоваться и гордиться тем, что собою ценность иностранного крокодила удвоил, а пожалуй, еще и утроил. Это для привлечения надобно-с. Удастся одному, смотришь, и другой с крокодилом придет, а третий уж двух и трех зараз привезет, а около них капиталы группируются. Вот и

Д. ШМАРИНОВ. «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ». 1935-1936

М. ДОБРУЖИНСКИЙ. «БЕЛЫЕ НОЧИ». 1922

Карнавальное шествие в рамках празднования Дня Достоевского в Санкт-Петербурге

ФОТО: ЮРИЙ БЕЛИНСКИЙ/ТАСС

буржуазия. Надобно поощрять-с». Способность разглядеть социальные и политические (а не только нравственные) смыслы на сто и двести, и бог весть сколько лет вперед Достоевский демонстрирует буквально во всем. И он уверен, что это не его личное качество, но свойство русского духа, русского ума. Смысл развитой им идеи всечеловечества прямо противоположен «общечеловечеству» либералов. Не русский должен раствориться и принести себя в жертву всемирному «роду людскому», но последний должен быть объят русским как большим и спасен им — как лучше усвоившим евангельскую заповедь.

Французский дипломат Мельхиор де Вогюэ с раздражением описывал в дневнике свой спор с Достоевским, а также чеканную формулу русского писателя и мыслителя: «Мы обладаем гением всех народов, и сверх того русским гением. Вот почему мы в состоянии понять вас, а вы нас — нет».

С тех пор и Россия, и Европа множество раз могли убедиться в правоте именно нашего гения. Русь, Россия, русский ум и русское сердце охватывают мир, ибо они больше этого мира и устремлены — так или иначе, вольно или невольно — к Самому Богу. Вот поэтому Русь и спасет мир.

Символ веры

Свободный каторжник

Елена Мачульская, Омск

23 января 1850-го (ст. ст.) в степной военной Омск въехала через Тарские ворота и почти сразу же остановилась у острожного частокола тюремная карета, в которой до места каторги добирался осужденный по делу петрашевцев «петербургский мечтатель» Федор Достоевский. Спустя четыре года из острога вышел совершенно иной человек — закаленный в горниле испытаний, многое переосмысливший и укрепившийся в вере.

СИБИРСКИЙ город сыграл в судьбе великого русского писателя ключевую роль. Все его знаменитое «пятикнижие» пронизано омскими воспоминаниями. В своих творениях Федор Михайлович увековечил многое из увиденного и услышанного именно здесь. К примеру, эпилог «Преступления и наказания» написан на омском материале. «Сибирь. На берегу широкой пустынной реки стоит город, один из административных центров России; в городе крепость, в крепости острог. В остроге уже девять

месяцев заключен ссыльно-каторжный второго разряда Родион Раскольников».

Писатель прежде сам был «ссыльно-каторжным второго разряда». Вместе с прочими заключенными в летние месяцы работая на правом берегу Иртыша, размышлял он, глядя через реку: «Смотришь, бывало, в этот необъятный, пустынный простор, точно заключенный из окна своей тюрьмы на свободу. Все для меня было тут дорого и мило: и яркое горячее солнце на бездонном синем небе, и далекая

песня киргиза, приносившаяся с киргизского берега. Всмотриваешься долго и разглядишь наконец какую-нибудь бедную, обкуренную юрту какого-нибудь байгуша; разглядишь дымок у юрты, киргизку, которая о чем-то там хлопочет с своими двумя баранами. Все это бедно и дико, но свободно».

Благодаря пережитому в этих суровых местах он стал тем Достоевским, которого мы знаем, великим гением национальной литературы. Не случайно через неделю после выхода на волю напишет брату:

Б. ПОКРОВСКИЙ. «ОБРЯД КАЗНИ НА СЕМЕНОВСКОМ ПЛАЦУ», 1849

К. ТРУТОВСКИЙ. «ПОРТРЕТ Ф. ДОСТОЕВСКОГО», 1847

ТОБОЛЬСКИЕ ВОРОТА ОМСКОЙ КРЕПОСТИ

«Вообще время для меня не потеряно. Если я узнал не Россию, так народ русский хорошо, и так хорошо, как может быть не многие знают его».

Об Омске классик порой высказывал диаметрально противоположное. Чаше приводится фраза, в которой тот назван «гадким городишком». Но сохранились, как видим, и другие бесценные свидетельства. В начале «Записок из Мертвого дома» после краткого рассказа о благословенной сибирской земле упоминается один из «веселых и довольных собою городков, с самым милейшим населением, воспоминание о котором останется неизгладимым в... сер-

це». Да, говорится тут именно об Омске — в других сибирских городах Достоевский не жил.

Осторожная доля для дворянина, привыкшего к совершенно иным нормам существования, оказалась очень тяжелой. В письме брату он оставил яркое описание бытовых условий казармы: «Вообрази себе старое, ветхое, деревянное здание, которое давно уже положено сломать и которое уже не может служить. Летом духота нестерпимая, зимою холод невыносимый. Все полы прогнили. Пол грязен на вершок, можно скользить и падать».

Каждый день арестанты ходили на работы. Зимой на Иртыше ломали старые барки, трудились в мастерских, разгребали снег, нанесенный буранами. Летняя работа была «впятеро тяжелейшей»: каторжан выводили на разгрузку барж, они обжигали и дробили алебастр, месили глину. Кстати, Тобольские, через которые арестанты выходили на берег Иртыша, — единственные крепостные ворота, сохранившиеся до наших времен.

Неволя дала писателю редкие в обычной жизни возможности для изучения людских характеров и судеб. Здесь у Достоевского появилось стремление разгадать тайну, что воплощает собой человек: разглядеть лик Бога в каждом.

Но записывать удивительные наблюдения в остроге не было ни малейших шансов, иметь перо и чернила арестантам не разрешалось. Данное обстоятельство угнетало Достоевского хуже непривычного физического напряжения. Писать он мог только в госпитале, куда, страдая эпилепсией, попадал весьма часто. Это здание, некогда стоявшее «особняком в полуверсте от крепости», тоже сохранилось до наших дней.

Главный лекарь Иван Троицкий позволял Достоевскому приходиться «полежать» при любой возможности. Кто-то из фельдшеров приносил писчие принадлежности. В арестантской палате на маленьких листочках Федор Михайлович записывал пословицы, поговорки, обрывки разных диалогов. Или — одну из «острожных легенд»: «Вышел на дорогу, зарезал мужика проезжего, а у него-то и всего одна луковица. «Что ж, батька, ты меня посылаешь на добычу; вон я му-

жика зарезал и всего-то луковицу нашел». — «Дурак! Луковица — ан копейка. Сто душ, сто луковиц — вот те рубль».

Хранились записи также в госпитале. После каторги Достоевский сшил эти листки, собрал воедино, дав им наименование «Моя тетрадка каторжная». Исследователи же назвали ее «Сибирской тетрадь».

Последнюю писатель использовал во время работы над «Записками из Мертвого дома», ставшими совершенно новым литературным явлением, и обращался к ней на протяжении всей дальнейшей жизни. Известно, что супруга Достоевского Анна Григорьевна даже сняла впоследствии с тетради копию.

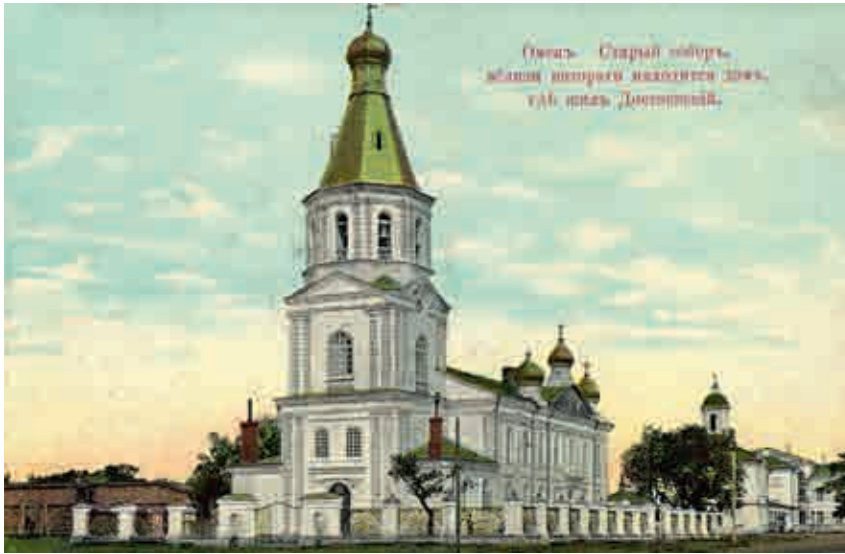
В занесенном пылью Омске, изначально произведшем на Федора Михайловича самое гнетущее впечатление, оказалось на редкость много благородных соотечественников, которые помогали ему переносить тяготы несвободы. Позже он признавался: «Если бы не нашел здесь людей, я бы погиб совершенно». В литературном салоне Екатерины Капустиной (в доме начальника отделения Главного управления Западной Сибири Якова Капустина), где собирался цвет омской интеллигенции, не только беседовали о литературных новинках, но и занимались передачей в острог писем и денег. Не оставались безразличными к судьбе каторжан и простые горожане — Достоевский навсегда запомнил маленькую девочку, дочь вдовы-солдатки, встретившуюся ему по дороге на работы и подавшую копеечку.

Комендант омской крепости Алексей де Граве, человек умный и великодушный, оказывал петрашевцам негласную помощь. Он даже обратился в военное министерство с просьбой освободить Федора Достоевского и Сергея Дурова от ножных кандалов, но разрешения на это не получил. А почти полтора века спустя именно в его доме открылся Омский литературный музей имени великого писателя. Первая в России улица Достоевского, на которой это здание находится, была названа так еще в начале прошлого столетия.

Немало сделали для будущего классика адъютант начальника корпусных инженеров Константин Иванов и его супруга, дочь декабриста Ивана Анненкова

Святой праведный Стефан Омский (протоиерей Стефан Яковлевич Знаменский)

Ольга. Иванов, имевший непосредственное отношение к проводимым в крепости работам, по словам Достоевского, был ему «как брат родной».

А общение с настоятелем Воскресенского собора протоиереем Стефаном Знаменским во многом определило мировоззрение писателя, помогло «перерождению убеждений». В этом году исполнилось 210 лет со дня рождения удивительного человека, причисленного в 1984-м к лику местночтимых святых. Его отличали энциклопедические знания, еще учась в Тобольской семинарии, в совершенстве выучил древнееврейский язык и мог читать на нем Библию. При Воскресенском соборе его стараниями собрали одну из лучших в Сибири духовных библиотек. Будучи лично знаком с некоторыми известными людьми своего времени, отец Стефан вел с ними переписку. В служении был необыкновенно благоговеен. За приходские требы с людей бедных чаще всего не брал никакой платы. Немало прихожан с благодарностью вспоминали его как своего благодетеля. А сам добрый пастырь в Омске не имел даже собственного дома, жил в казенном.

Протоиерей Михаил Путинцев писал о нем так: «От природы он был слабого сложения и в

жизни своей не раз подвергался тяжким болезням, почему и был всегда слабый, бледный, тощий и тщедушный, и в преклонных летах так утомлялся при совершении богослужения, особенно литургии, что по возвращении из церкви падал в изнеможении на постель. Но, отдохнув час или полчаса, бывал готов на какую угодно службу, на всякое дело. С требою он был готов идти или ехать во всякое время дня и ночи, во всякую погоду и никогда никто не слышал от него ропота или негодования даже тогда, когда его призывали на требу не в очередь, не в его седмицу...»

Литературоведы предполагают, что прототипом старца Тихона в романе «Бесы» стал именно Стефан Знаменский. А сын отца Стефана Михаил, окончивший духовную семинарию по классу живописи, первым проиллюстрировал бессмертные «Записки...».

Самые светлые воспоминания Достоевского об омском периоде связаны с церковными праздниками. В эти дни заключенные посещали Воскресенский военный собор: «Арестанты молились очень усердно, и каждый из них каждый раз приносил в церковь свою нищенскую копейку на свечку или клал на церковный сбор. «Тоже ведь и я человек, — может быть, думал он или чувствовал, подавая, — перед Богом-то все равны...» Причащались мы за ранней обедней. Когда священник с чашей в руках читал слова: «...но яко разбойника мя приими», — почти все повалились в землю, звуча кандалами, кажется, приняв эти слова буквально на свой счет».

Омская каторга стала для Федора Михайловича своеобразной школой. Он воспринимал жизнь в неволе как очистительное страдание, сопричастное в какой-то мере, пусть даже очень отдаленно, к известным мукам на Голгофе. Позже напишет: «Не как мальчик же я верую во Христа и Его исповедаю, а через большое горнило сомнений моя осанна прошла».

Четыре года пребывая в уединении с Евангелием, подаренным ему в тобольской пересыльной тюрьме женами декабристов, Достоевский обрел свой символ веры. «Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но и с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть».

И это, пожалуй, главное событие в биографии Достоевского, связанное с Омском.

Философ о философе

С. ДАЛИ. «НАТЮРМОРТ — БЫСТРО ДВИЖУЩИЕСЯ», 1956

Великое раздвоение

Федор Гиренок

Всех мыслителей допустимо поделить на две группы. Одни создают стройные системы и следят, чтобы идеи там не противоречили друг другу. Вторые просто изобретают концепты, не обращая внимания на порядок и целостность. Принято думать, что на первое русские не способны вообще. Между тем Николай Лосский свою оригинальную систему так и создал. Он, как Гегель, имел вкус и чутье к логическому совершенству мысли, умел доводить ее до максимальной полноты. Лосского вместе с Владимиром Соловьевым следует отнести к первым «систематическим» философам России.

Витебская гимназия. Экзистенциальный опыт

О собственном жизненном опыте и о том, когда впервые стал читать умные книги, Николай Онуфриевич подробно рассказывает в воспоминаниях.

В 11 лет отрока приняли в первый класс Витебской классической гимназии. Сверстники были «дерзкими сорванцами». Один из соучеников как-то спросил Николая: «Умеешь

играть на скрипке?». Тот ответил: «Нет». — «Хочешь научу?» — «Да, конечно». Гимназист попросил его согнуть палец, а когда Коля исполнил просьбу, резко прижал верхний сустав к нижнему. Лосский закричал от боли. Мучитель засмеялся: «Вот ты и научился играть на скрипке». Это был первый экзистенциальный опыт будущего философа.

Второй состоял в том, что ему поневоле пришлось стать ябедником. Как-то из дома привезли засахаренные яблоки. Обычно он делился с товарищами, а в этот раз спрятав гостинцы под подушкой, затем потихоньку доставал и ел. В один злосчастный день те пропали. Лосский пожаловался надзирателю. Последний пришел проверить, после чего яблоки чудесным образом очутились вновь под подушкой. А Николая окрестили «ябедой».

В гимназии он узнал также, где живет «доктор Ай» (другой небезболезненный розыгрыш) и как на свет появляются дети.

За пределами учебного заведения особенно возмущал его местный «антисемитизм», который заключался в том, что хозяев ма-

газинов заставляли писать на вывесках свои фамилии и отчества. Что делало очевидным: владельцами являлись евреи. Помимо этого, вспоминает Николай Онуфриевич, их, гимназистов, «душили латынью». Уже в первом классе было 8 уроков латинского в неделю. Также зубрили греческий и другие европейские языки.

Учащиеся, кстати, были настроены революционно, читали произведения Писарева, Чернышевского, Михайловского. Листал эти книги и Лосский. В конце концов за революционные настроения его исключили из гимназии.

К слову, философия там не преподавалась. Впервые с ней Николай столкнулся в университете, где изучал Декарта, Спинозу, Спенсера и, конечно, Куно Фишера.

Третий экзистенциальный опыт был получен уже во время депортации за границу в 1922 году. В ЧК ему буднично, по-простому сообщили: вас высылают. А некий молодой человек из «чрезвычайки», присутствовавший при этом, с естественным добродушием добавил: а надо бы к стенке поставить. И зевнул.

Гносеология

Отдельные мыслители издавна думают, что есть предметы, а есть помимо них еще и представления о предметах. Так получается, например, что стол начинает существовать два раза. Сперва он просто стоит у окна, а потом возникает в голове как представление о столе.

Лосский сказал: нет, господа, сей стол существует лишь однажды, находится он в совершенно определенном месте, то есть возле окошка, в наших же головах никаких дополнительных представлений об этом предмете мебели никогда не было, нет и не будет. Если бы таковые имели место, то человеческое сознание оказалось бы наглухо закрытым, и мы «задохались» бы в нем, а прежде набивали всевозможные синяки, наталкиваясь мысленно не на сам стол, а на его ложно-абстрактную копию.

В действительности ничто не скрывает от нас предметы. Истина — это не сопоставление вещи с неким автономным представлением об оной. В противном случае следовало бы извлекать подобные «отражения» из головы и смотреть на них со стороны. Но для этого человеку пришлось бы занять третью позицию, то есть стать ни много ни мало Богом — дабы видеть прямо и непосредственно и сам предмет, и представление о нем. Мы же не можем выпрыгнуть из сознания. Да это и не нужно, поскольку вещь дается нам в интуиции. Кант не прав, никаких «вещей в себе» не существует. Все они познаваемы и представлены нам в подлиннике. И мы с ними вполне нормально скоординированы.

Интуиция

Лосский — философ интуиции. Он выделил три ее вида: чувственную, интеллектуальную и мистическую. Первая дает нам не копии вещей, не субъективные представления о них, а показывает, каковы они в

Н. Лосский (справа)
с семьей. Збраслав.
После 1922

действительности. Вторая рождает идеи. Третья указывает на Бога.

Человек, по Лосскому, всегда уверен в том, что есть внешняя реальность. Правда, философ не исследовал вопрос, откуда берется чувство реальности. Если бы он как-то исхитрился провести подобное исследование, то, не исключено, пришел бы к парадоксальному выводу: чувство сие возможно лишь у того, кто... грезит, галлюцинирует. У животных этого нет, они сами как часть реальности. А человек видит сны, и сновидения иногда придают смысл его жизни.

Третий элемент

Однажды Лосский шел по улице Горюховой, и ему неожиданно пришла мысль о том, что все имманентно (внутренне присуще) всему. А коли так, стало быть, и мир во всем его невероятном многообразии имманентен человеку, а человек соответственно — миру. Эта мысль ошеломила и заставила по-новому взглянуть на сознание, преодолеть так называемый субъектно-объектный дуализм. Он понял, что бытие и сознание сильно разнятся, и нельзя однородными логическими преобразованиями перейти от первого ко второму. Для такого перехода требуется нечто третье, и философ нашел его во всеединстве Владимира Соловьева, с которым был знаком.

Как-то, будучи у него в гостях в гостинице «Англетер», Лосский обратил внимание на то, что Соловьев, рассуждавший о всеединстве, тщательно протирал руки скипидаром. Ибо незадолго до этого коснулся денег. Странные, на первый взгляд, действия имениного знакомого открыли Николаю Онуфриевичу глаза на то, что, оказывается, не все едино, что между Творцом и грешным миром находится страшная онтологическая пропасть. А заполнить ее может только благодать Бога.

Из теории всеединства следовало: мы наблюдаем перед собой некую картину не потому, что, с

Б. СВЕЩИКОВ, ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОВЕСТИ «ДВОЙНИК», 1984

одной стороны, есть глаза, с другой — предметы, на которые сможем. А исключительно благодаря всеединству. Оно — тот самый свет, который нам все освещает, позволяя любую вещь лицезреть в подлиннике, такой, какова она есть на самом деле. И свойства ее очень сильно отличаются от тех, которые описаны обычным человеческим языком. Отсюда возникает вопрос: откуда же вытекает общее заблуждение, кто источник лжи? Столь справедливое замечание высказал некогда Василий Зеньковский. Ответ Лосского был прост: мы свободны, а заблуждение — не что иное, как следствие субъективной обработки объективных данных. Хотя природу такой субъективности не объяснил. Более того,

преисполнился веры в то, что содержание наших внутренних переживаний доступно для всех людей. И наши сны видим не только мы, но и все человечество.

Лосский о Достоевском

О Достоевском писали разные философы — Василий Розанов, Дмитрий Мережковский, Николай Бердяев и многие другие. Лосский тоже издал такую книгу и вот на что обратил внимание. Первый роман классика «Бедные люди» имел ошеломительный успех у читателей и критиков, Белинский ликовал, все ждали следующего произведения Достоевского. И тот сочинил «Двойника». Неистовый Виссарион прочитал и сник. Публика ничего не поняла в новой повести и в не-

доумении отвернулась от автора. Многие годы та считалась провальной. Позднее Федор Михайлович напишет гениальную вещь под названием «Записки из подполья». Здесь он станет развивать идеи «Двойника». Между тем и «Записки...» мало кто понял. Их мыслями и настроением не вполне проникся даже Михаил Бахтин, не говоря уж о других профессиональных исследователях. Зато на эти идеи обратил внимание Лосский, по-своему развил их в своем труде под названием «Достоевский и его христианское миропонимание».

Процитировал помимо всего прочего письмо Достоевского художнице Екатерине Юнге, отправленное в последний год жизни великого литератора: «Что Вы пишете о Вашей двойственности? Но это самая обыкновенная черта у людей... не совсем, впрочем, обыкновенных. Черта, свойственная человеческой природе вообще, но далеко-далеко не во всякой природе человеческой встречающаяся в такой силе, как у Вас. Вот и поэтому Вы мне родная, потому что это раздвоение в Вас точь-в-точь, как и во мне, — и всю жизнь во мне было. Это большая мука, но в то же время и большое наслаждение. Это — сильное сознание, потребность самоотчета и присутствия в природе Вашей потребности нрав-

ственного долга к самому себе и к человечеству. Вот что значит эта двойственность. Были бы Вы не столь развиты умом, были бы ограниченнее, то были бы и менее совестливы и не было бы этой двойственности. Напротив, родилось бы великое самомнение. Но все-таки эта двойственность большая мука. Милая, глубокоуважаемая Катерина Федоровна, верите ли Вы во Христа и в Его обеты? Если верите (или хотите верить очень), то предайтесь Ему вполне, и муки от этой двойственности сильно смягчатся, и Вы получите исход душевный, а это главное».

Что значит идея двойника? Человек только тем и отличается от любого другого живого существа, что начинает подлинно существовать лишь в момент собственного раздвоения. Цельных людей не бывает. А в принципе таковой крайне опасен, ибо в своей цельности он ближе всего к животному. На какие части человек раздваивается? На грезы, которые возникают только в данный момент, и ощущения при столкновении с действительностью. Грезы, иллюзии — это и есть то «третье», по терминологии Лосского, что делает человека человеком. В них личность полностью реализует себя, локализуется во взгляде на сущее, оставаясь вне материального мира. Иногда это невидимое

визуализируется и начинает вести жизнь двойника. Об этом как раз и написал Достоевский в своей гениальной повести, а затем развил данную тему в «Записках из подполья».

Лосский полагал, что идея о раздвоении человека ценна в высшей степени. При этом речь идет не о «патологическом распаде или аморальной способности наслаждения как добром, так и злом», но о силе духа, который, по словам философа, «в самой своей силе черпает уверенность в том, что добро есть и что положительное решение проблемы существует. Такова сила великих христиан, в самом сомнении своем обращающихся к Тому, в Ком они сомневаются: «Верую, Господи. Помогите моему неверию!» (Лосский Н.О. «Бог и мировое зло»).

О добре

Согласно его воззрениям, добро должно быть абсолютным и самоценным, а зло — всегда относительным. Нельзя понимать зло как отсутствие добрых начал. Оно коренится в злой воле, а начинается с чрезмерной приязни человека к собственной персоне, когда любовь к себе больше, чем к Богу и к другим людям. Лосский верил, что даже сатана когда-то вернется к Создателю и закончится самостоятельная история существования зла в мире.

И. ПЛАЗУНОВ. «ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ ДОСТОЕВСКИЙ»

Корневая система

В. ПЕРОВ. «ПОРТРЕТ ВИ. ДАЛЯ». 1872

Казак Датский и Луганский

Ксения Воротынцева

215 лет назад 22 (10) ноября родился составитель «Толкового словаря живого великорусского языка». Работа над ним отняла у исследователя 53 года. Итогом кропотливого труда стал своеобразный, монументальный слепок с родной речи, в том числе полузабытой, включавшей в себя такие, к примеру, словечки-находки, как «валоха», «авсень», «девнесь»... Датчанин по происхождению, выдающийся лексикограф всю жизнь посвятил России. И его любовь к стране не осталась без ответа. Как отмечал первый биограф ученого, писатель Павел Мельников-Печерский: «Крестьяне верить не хотели, чтобы Даль был не природный русский человек».

ИНТЕРЕС к слову он унаследовал от отца, знавшего восемь языков. Правда, к моменту появления на свет сына Иохан Кристиан Даль бросил лингвистические изыскания и служил лекарем в горном ведомстве. Володя поначалу тоже выбрал врачебное ремесло. В 1828 году, будучи студентом Дерптского университета, блестяще выдержал экзамен на доктора медицины, а также хирургии. В ходе русско-турецкой войны и последовавшей за ней польской кампании Даль-младший проявил себя умелым, храбрым врачом. Современники с восхищением рассказывали, как великолепно он проводил операции, одинаково ловко работая обеими руками.

Кроме того, продемонстрировал недюжинные способности к военному делу. Скажем, во время переправы через Вислу у Юзефува предложил построить мост из пустых бочек. Как только наши солдаты оказались на другом берегу, показался неприятель. Когда же иностранные офицеры вступили на мост, к ним подошел Даль и представился лекарем. Заманив врагов на середину реки, он, как вспоминал Мельников-Печерский, «прыгнул на одну бочку, где был заранее припасен остро наточенный топор», разрубил канаты, связывавшие постройку, и бросился в воду, сумев под свист пуль добраться до берега. Находчивость медика поначалу вызвала недовольство начальства: молодой человек получил выговор за неисполнение прямых обязанностей. Однако Николай I наградил его Владимирским крестом с бантом.

Материал для будущего словаря он начал собирать как раз в годы военных походов. «Неакадемическая» атмосфера не была препятствием. Напротив, где еще смог бы Владимир Иванович узнать столько народных словечек. Ведь его окружали выходцы из самых разных губерний. Он постоянно делал записи, которых однажды чуть не лишился самым драматичным образом. Во время русско-турецкой войны враги похитили верблюда со всей его поклажей. К счастью, казаки проявили смекалку и привели животное обратно. Записи уцелели.

Даль увлеченно изучал диалекты и говоры. О его познаниях ходили легенды. По словам Мельникова-Печерского, он по нескольким словам мог догадаться, откуда родом собеседник. Однажды филолог присутствовал на званом обеде в загородном доме и вышел в палисадник:

«Впереди всех стоял белокурый, чистотелый монах с книжкой в черном чехле с нашитым желтым крестом. К нему обратился Даль:

— Какого, батюшка, монастыря?

— Соловецкого, родненький, — отвечал монах.

— Из Ярославской губернии? — сказал Даль, зная, что «родимый», «родненький» — одно из любимых слов ярославского простолюдина.

Монах смутился и поникшим голосом ответил:

— Нету-ти, родненький, тамо-ди в Соловецком живу.

— Да еще из Ростовского уезда, — сказал Владимир Иванович.

Монах повалился в ноги...

— Не погубите!..

Оказалось, что это был беглый солдат, отданный в рекруты из Ростовского уезда и скрывавшийся под видом соловецкого монаха».

Даль считал, что нельзя, безвылазно пребывая в столице, хорошо изучить народную речь: «Писателям нашим необходимо проветриваться от времени до времени в губерниях и прислушиваться чутко направо и налево».

Возможно, последнее соображение, а также препятствия на службе (молодой доктор был правдолюбом, противником бессмысленной бюрократии, и начальство ему этого не прощало) вынудили его покинуть Санкт-Петербург. В 1833-м он оставил врачебное поприще и перебрался в Оренбург, где задержался на восемь лет. Часто ездил в фольклорные экспедиции и основательно пополнил запас будущего «Словаря». Вернувшись в 1841-м в град Петров, провёл там несколько лет и вновь ощутил оторванность от народной стихии. В 1849 году переехал в Нижний

Новгород, обосновавшись в нем до 1859-го.

Мельников-Печерский признался: «Я не знал человека скромнее и нечестолюбивее Даля». Отмечал и другую важную черту: «В распределении времени он был до крайности точен».

Означенное свойство сильно помогло ученому в обработке огромного массива данных. Он трудился непрестанно, восклицал: «Ах, дожить бы до конца «Словаря»! Спустить бы корабль на воду, отдать бы Богу на руки!» Впрочем, первым опубликованным литературным опытом стали «Русские сказки. Пяток первый», изданные еще до Оренбурга под псевдонимом Казак Луганский (по месту рождения автора — нынешнего Луганска). Не всем понравились эти сочинения: последовали доносы, даже арест случился. Спасло лишь заступничество Василия Жуковского. Тем не менее Даль продолжал изучение говоров, стараясь, как подчеркнул в названии «Словаря», познакомить современников с живым языком, родившимся в народе, а не в кабинетах. Он считал, что манеры высших классов с петровской эпохи скроены по западным образцам, втиснуты в латинские рамки: «В образованном обществе и на письме язык наш измолослся уже до пошлой и бесцветной речи, которую можно перекладывать от слова до слова на любой европейский язык. ...Более половины русских слов забыты, изгнаны, заменены и заменяются еще каждодневно иностранными».

Вопрошал: «Но где же нам учиться по-русски? Из книг не научишься, потому что они написаны не по-русски, в гостиных и салонах ваших — подавно. Где же учиться? Если в книгах и в высшем обществе не найдем, чего ищем, то останется одна только кладь или клад — родник или рудник — но он зато неисчерпаем. Это живой язык русский, как он живет поныне в народе. Источник один,

А. ВЕНЕЦИАНОВ. «ВСТРЕЧА У ПОЛДНЯ», 1843

язык простонародный, а важные вспомогательные средства — старинные рукописи и все живые и мертвые славянские наречия».

Автор отнюдь не предлагал всем вдруг перейти на народный говор, признавал, что в оном, к примеру, отсутствуют многие отвлеченные понятия. Цель филологических изысканий была иная: «Не иди наперекор языку, как мы ныне делаем, а иди с ним братски, рука в руку, быть не только учителем его, но и учеником».

Даль считал, что наша словесность еще не обрела своего «лица»: «Покуда вся сила, все богатство и роскошь родного языка

нашего не развернется, покуда не разольется он свободно, самостоятельно, без пут, без пригона по образцам инородным, не может быть у нас написано ничего такого, как произвели древние, а потом и другие народы, каждый в свое время, в свою пору. Люди, как Шекспир, Шиллер, Сервантес, Гете, родятся веками — каждый народ считает их у себя по одному, по два».

Высоко отзывался он о Пушкине, с которым познакомился через Жуковского и крепко подружился. С их общением связан один примечательный «лингвистический» случай. От ученого Александр

Памятник В. Далю у здания университета в Луганске

Сергеевич узнал, что шкуру, сбрасываемую змеей, в народе называют «выползиной». На другой день пришел к Владимиру Ивановичу в новом сюртуке: «Какова выползина!» И рассмеявшись, продолжил: «Ну, из этой выползины я теперь не скоро выползу». Судьба распорядилась так, что в упомянутом сюртуке поэт через несколько суток был ранен на дуэли. Даль неотлучно сидел у постели умирающего...

Середина XIX столетия ознаменовалась у нас формированием не только языка, но и самой нации. Переломным моментом послужила война 1812 года — первая в истории России, получившая название Отечественной. В ту пору говорившая по-французски аристократия впервые начала осознавать себя русской. А народ, как считает современный исследователь Елена Вишленкова, стал всюду изображаться героем-победителем: «Тогда в массовую визуальную культуру вошли крестьянские девушки в сарафа-

нах, веселые мужики в широкополых шляпах, воинствующие василисы и казаки».

Высшие классы, наконец, обратили внимание на простых людей: почувствовали себя частью нации. Народные образы проникали в живопись: сначала — в картины Алексея Венецианова, затем — в полотна передвижников. Аналогичными процессами оказалась охвачена литература, где внимание к незамысловатому быту порой доходило до натурализма. Появились и «люди дела», стремившиеся не искусством, но прямым действием улучшить долю низших классов, — народники. Эти явления не были сугубо российскими. В некоторых европейских странах наблюдались схожие тенденции. Недаром современники Даля братья Grimm увлеченно исследовали немецкую народную культуру, собирали фольклор.

Владимир Иванович понимал: чтобы наш язык достиг расцвета, необходима окончательно сложившаяся нация: «Схватите мне одним словечком сколько-нибудь удачно нрав разных европейских народов: вы сейчас готовы отвечать: немец рассудителен, англичанин чудак, француз легохонек, итальянец мстителен и прочее, — а скажите мне, что такое русский? И если вы кой-как, с натяжкой, придумаете, что такое русский в синем кафтане, в алой рубахе, с бородой, и скажете: он хлебосол, или он смышлен, переимчив что ли, то попрошу вас сказать, что такое русский нынешнего покроя, с бритой бородой, во фраке или в вицмундире? На каждом человеке, без сомнения, свое лицо есть, но на целом поколении, на обществе его еще нет: а между тем оно должно быть и со временем будет».

Еще один факт, говорящий об активно развернувшимся в XIX веке «нацбилдинге»: датчанин Даль, как и многие другие выходцы из иностранных родов и племен, совсем не берег силы, участвуя в создании нашей отечественной культуры. Российское общество принимало всех, кто хотел быть для него своим. Русский мир нараспашку открывался каждому, решившему стать его частью.

Владимир Иванович вспоминал, как еще в юности, будучи гардемаринком, побывал в стране предков: «Ступив на берега Дании, я на первых же порах окончательно убедился, что Отечество мое Россия». Этот лютеранин в зрелые годы изложил Моисееву Пятикнижие простым языком, адаптировав его для народа. А незадолго до смерти перешел в православие — решение кажется логичным, если вспомнить его недвусмысленное заявление: «Кто на каком языке думает, тот к тому народу и принадлежит. Я думаю по-русски».

Таким он и вошел в историю: один из блистательных сынов России, посвятивший жизнь ее славе и процветанию.

«Один удался — Крашенинников»

Андрей Самохин

Два великих русских ученых Михаил Ломоносов и Степан Крашенинников родились 305 лет назад, с разницей в неделю с хвостиком — 19 (8) ноября и 11 ноября (31 октября), и это знаковое сверстничество побуждает вспомнить об удивительной близости ярких звезд отечественной науки. При жизни они были единомышленниками и друзьями: первый — могучий вождь «русской партии» в Академии наук, второй — ближайший его сподвижник.

ОДНАКО если о Ломоносове худо-бедно знают и нынешние школьники, то о Крашенинникове — далеко не каждый из взрослых, причем даже вроде бы вполне образованных людей. Исключение составят разве только жители Камчатки, где имя Степана Петровича носит один из вулканов. Более того — этому человеку полуостров обязан первым полноценным научным описанием.

«Вышли мы все из народа» — по отношению к двум выдающимся ровесникам эта песенная фраза вовсе не фигура речи. Один — сын холмогорского рыбака-помора, другой — солдата Преображенского полка. Оба пробились к известности вопреки обстоятельствам рождения, благодаря собственным способностям и горению души, оба столкнулись с жесткими пре-

понами и рогатинами со стороны противников укрепления русской национальной науки.

Ломоносов и Крашенинников учились в Славяно-греко-латинской академии на Никольской улице в Москве. Будущий исследователь Камчатки тринадцати лет от роду был записан чьим-то радением сразу в класс философии. Михаила, в 19-летнем возрасте пришедшего в Первопрестольную с рыбным обозом, зачислили сперва в класс пиитики, затем — риторики и только после — в философский. Ломоносову пришлось утаить сословную принадлежность, ибо крестьян по указу Синода (в отличие от солдатских детей) в Академию не принимали, и первый свой вуз он окончил позже соратника.

Дан приказ: ему на Запад...

Маршруты их судеб пролегли поначалу вдали друг от друга. Крашенинникова в конце 1732 года направили в Академию наук для овладения физикой, географией и естественной историей. После испытания его с двенадцатью другими студентами включили в состав Великой Северной экспедиции под руководством немецких профессоров Иоганна Гмелина и Герхарда Миллера, а также француза-астронома Людовика Делиля де ла Кроера. Почти десять лет тяжелейших трудов на дальних окраинах империи, в полной научной безвестности — вот что ждало солдатского сына Степана.

Путь холмогорского гения равным образом не был устан цветами, но вилял иначе. Поучившись несколько месяцев в Киево-Могилянской академии, Михаил вернулся в Москву на Никольскую и был — тоже с 12 сокурсниками — отобран в 1735-м в университет при Академии на берегах Невы. А спустя год отправился для обучения горному делу и металлургии в Марбург, где увлеченно постигал науки, не менее вдохновенно кутил и дрался — по обычаю германских студюзов. Вконец поиздержавшись, неукротимый Михайло Васильевич женился на дочке квартирной хозяйки, на смерть рассорился с научным куратором и ушел из города. Шагая в направлении Родины, в каком-то трактире был завербован спяну в прусскую армию рекрутом, с риском для жизни оттуда бежал, исходил пешком пол-Германии, завернул «по дороге» в Амстердам и, наконец, получил из Петербурга деньги на возвращение в российскую столицу.

С. Крашенинников

М. Ломоносов

Столь бурное начало жизни в науке не помешало Ломоносову доказать господам академикам, что он не токмо буян, но и тот самый «быстрый разумом Невтон», о рождении коих на русской земле напишет позже в известной оде императрице Елизавете.

Несколько забегаая вперед, скажем: на одном из заседаний Академии летом 1745-го Крашенинников удостоился, наконец, звания адъюнкта, Ломоносов же стал в тот же день профессором.

За столь медленным восхождением Степана Петровича к степеням известным стояла специфика чрезвычайно долгой, кропотливой, тяжкой — порой сродни подвигу — работы на благо Отечества, которую он осилил в постуниверситетские годы. Некогда сам Ломоносов с сугубой досадой на академических кураторов отмечал:

«Взяты были из Московских Заиконоспасских школ двенадцать человек... в Академию Наук... оных половина взяты с профессорами в Камчатскую экспедицию, из коих один удался Крашенинников, а прочие от худова присмотру все испортились».

Сибирь — Камчатка

Прежде чем попасть на огнедышащий полуостров, Степан провел три года в полевых исследованиях Сибири, что дало ему вдоволь практического опыта. Теории доучивался на ходу. Формальный руководитель экспедиции, «добрый Гмелин», «таясь от Миллера, который в том ему запрещал», читал студентам лекции по географии и естественной истории.

...Через годы Крашенинников, Ломоносов, поэт Тредиаковский и другие резко выступают против миллеровской диссертации «Происхождение имени и народа российского», где автор сформулировал пресловутую «норманскую теорию» образования нашего государства. Взбешенный критикой от своего бывшего подневольного студюзуса немецкий историограф сварливо укажет президенту Академии наук графу Кириллу Разумовскому: дескать, в Сибири Степан «был у него под батожьем», а ныне, вишь, перечить смеет...

Сибирские дороги Крашенинникова отразились в его «Дорожном журнале»: Кузнецк, Томск, Енисейск, Красноярск, Канск, Удинск, Иркутск, Селенгинск, Нерчинск, Аргунск, Чита, Баргузин, Верхолениск... В то время как Ломоносов шагал налегке по «Тюрингии сосновой», его одногодок покрывал тысячи миль на

РУССКАЯ ЕВРАЗИЯ

лошадках и лодках в суровых, малообжитых краях, тщательно описывал не только флору и фауну, но и нравы, обычаи встреченных народов — бурят, тунгусов, монголов, а также русских сибиряков. Тогда же окрепла в нем великая любовь и наблюдательность по отношению к родной земле во всем многообразии ее явлений.

Ключевой точкой стал Якутск, где он нашел теплый губернаторский дом, богатый архив и команду погибшего Витуса Беринга. Миллер и Гмелин почли за лучшее не пускаться в опасный путь на малоизведанную землю, а отправить туда... одного Крашенинникова. Благо, как отписали они в Петербург, сей молодой человек «во всех отношениях отличался от своих собратьев своим трудолюбием и желанием все порученное ему точно выполнить». Снабдили подробнейшей инструкцией для ежедневного «чинения там всяких обсерваций и исследований», наказав вести «приготовления, что в тех краях к прибытию нашему потребно».

Край земли

Камчатка встретила Крашенинникова неласково. На подходе к полуострову судно «Фортуна» дало течь, за борт пришлось сбросить почти весь груз, в том числе провиант и личные вещи. Так что в Большерецк посреди промозглой осени исследователь прибыл без еды и в одной рубашке.

Два года он не получал денежного жалованья: указ об этом не был прислан из Охотска. «А чего ради, о том неизвестно», — философски заметил Крашенинников. Будучи скромен и неприхотлив, он долго не докучал «коммандирам» (Миллеру и Гмелину) жалобами на свои бедствия. При этом, кое-как устроившись с помощью местного начальства, быстро наладил научную работу и стал регулярно отсылать отчеты о ней в Якутск.

Данные «камчатского Ермака», казака Владимира Атласова, на-

блюдения Второй экспедиции Беринга, в составе которой числился и член Петербургской академии Георг Стеллер, — все предыдущие сведения о Камчатке оказались слишком краткими и разрозненными. Огромный полуостров, раскинувшийся перед молодым ученым, был, по сути, terra incognita. Степан Петрович начал вести систематические наблюдения географа, метеоролога, ботаника, зоолога, ихтиолога, лингвиста. Лично изъездив на лошадях, исходив собственными ногами тысячи камчатских верст — среди плотных туманов, гигантских снежных заносов и огромных, далеко не всегда сытых и благодушных медведей, — сплавляясь на утлых долбленках по рекам, ученый всей душой полюбил этот сказочный край, где «горы дышат горячо», дымятся теплые озера, землю периодически трясет, как в лихорадке, а из глубин ее бьют мощные гейзеры. Открыл залежи железа и охры, указал на стратегическое значение морского промысла. Говоря о перспективах освоения Камчатки, постулировал: она «во всем, что принадлежит к довольному человеческому содержанию, не будет иметь оскудения».

Подробно рассказывал о занятиях, быте и верованиях ительменов, коряков и курилов; составлял «вокабуляриумы» их языков; из-

лагал, тщательно проверяя, услышанные от старожилов истории о завоевании края, восстаниях казаков и местного населения. Все это отсылал своему начальству вместе с чучелами местных рыб и зверей, гербариями, этническими и историческими артефактами для Кунсткамеры.

Фактически Крашенинников стал первым отечественным этнографом и историком полуострова, что дало основание крупнейшему русскому-советскому ученому в этой области Льву Штернбергу назвать его «Нестором русской этнографии».

Проявил себя и как отменный научный организатор, обучив нескольких помощников из местных казаков, которые успешно собирали по его заданиям богатые сведения в самостоятельных маршрутах.

Из дальних странствий возвратись...

В конце 1740-го в Большерецк прибывает адъютант Академии наук Георг Стеллер со строгим рескриптом от «коммандиров», предписывающим сдать ему все собранные материалы. Позднее этот маститый ученый выпустит в Лейпциге посвященную Камчатке книгу, в которой широко использованы результаты трудов Крашенинникова, и почти нигде нет ссылок на их авторство (подумаешь, худород-

Т. Малтон. «Вид с Невы на набережную Васильевского острова у здания Академии наук»

ный студент!). Эта публикация даст повод зарубежным недоброжелателям попытаться ославить блестящую фундаментальную монографию русского ученого «Описание земли Камчатки» (первым изданием она выйдет в 1755-м, вторым — в 1786-м) как якобы компиляцию книги Стеллера. Такой поклеп, впрочем, было легко опровергнуть всем, кто неплохо знал обоих авторов и хронологию событий. Тем более что Крашенинников в отличие от своего немецкого коллеги скрупулезно указывал на происхождение самых незначительных сведений.

А перед этим было долгое возвращение Степана Петровича в град Петров — через Охотск, Якутск (где он женился на дочери майора Дмитрия Павлуцкого, знакомого еще по Камчатке) и Иркутск. Затем, все еще студентом, после блестяще выдержанного экзамена, он был оставлен в Академии на жалованье и только через два года избран адъюнктом, получив при этом назначение в Ботанический сад.

В 1750 году Крашенинникова утверждают профессором натуральной истории и ботаники. В том же году он становится ректором Академического университета и инспектором Академической гимназии. За короткое время он умудряется создать научную шко-

лу, подготовив превосходных учеников-натуралистов, в частности Константина Щепина и Ивана Лепехина.

Вместе с Ломоносовым активно выступает против немецкого засилья в Академии наук, принижения русской национальной истории и культуры иноземными русофобами, ратует за распространение знаний среди простого народа. Тем самым, как и его сверстник-учитель-защитник Михаил Васильевич, наживает множество недругов. «Я сквозь многие нападения прошел, и Попова за собой вывел и Крашенинникова», — вот чем гордился Ломоносов в конце жизни.

Тяжко страдая от легочной болезни, нажитой на окраине империи, Степан Петрович тем не менее пришел на историческое заседание Академии наук 7 марта (24 февраля) 1755 года, дабы поддержать своего друга, представившего новый регламент с элементами существенной демократизации и «национализации» петербургского «синклита мудрецов».

На следующий день Крашенинников умер — по некоторым свидетельствам, как раз тогда, когда в типографии набирали последний лист его научной поэмы о Камчатке.

Несмотря на громкую славу монографии, названной «камчатской энциклопедией» и немедленно переизданной на многих языках,

заслуги ее автора перед Россией власти оценили далеко не сразу. Достаточно сказать, что семье ученого даже не на что было его похоронить. Александр Сумароков с горечью отразил этот факт в комедии «Опекун»: «А честно-то человека детки пришли милостины просить, которых отец ездил до Китайчетова царства и был во Камчатном государстве, и об этом государстве написал повесть. Однако, сказку-то его читают, а детки-то его ходят по миру...»

Ради могущества Отечества

Собственное идейное кредо Крашенинников выразил в немногочисленных публицистических произведениях — в частности, в «Речи о пользе наук и художеств в государстве» и незаконченном предисловии к «Описанию земли Камчатки».

«О силе и величии России свидетельствует слава российского народа, наполняющая вселенную, ужасная неприятелям и полезная союзникам морская и сухопутная сила, военные и гражданские права, хранящие целостность государства», — писал он.

Страну свою, по его глубоко-му убеждению, надлежит хорошо знать: «Какая от того прибыль, когда кто знает, что делается в Индии и Америке, а о своем отечестве столько имеет понятия, что едва известно ему то место, где он живет?» Надо по примеру Петра Великого «об одном приращении наук стараться, от которых исправности зависят» и без коих «не может никакое государство быть славно, довольно и безопасно».

Наука, по Крашенинникову, не может оставаться личной космополитической игрушкой, не приносящей реальной пользы Отечеству. «Сколько ж бы времена наши заслужили пороку, если бы мы, наслаждаясь трудами предков наших, ничего вновь потомству не оставили?»

П. СТОЛЫПИН ПРИНИМАЕТ РАПОРТУ У ВОЛОСТНОГО СТАРШИНЫ СЕЛА ПРИСТАННОГО САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ. 1904

ФОТО: ФОТОХРОНИКА ТАСС

Реформы и потрясения

Валерий Хмельницкий

О реформах Петра Столыпина, начало коим было положено Именным высочайшим указом 22 (9) ноября 1906 года, спорят по сей день. Одни комментаторы представляют их спасительными для России. Другие указывают: главных результатов, например, тех, что способствовали бы укреплению государства, столыпинские преобразования не дали. Мало того, сами по себе они, дескать, стимулировали дальнейшую политическую раскачку страны. Обе точки зрения в чем-то справедливы. Когда врач прописывает больному лекарство, подразумеваются как определенный режим лечения, так и правильное сочетание с другими средствами, препаратами. Если же такие условия не соблюдаются, хорошее снадобье может оказаться бесполезным и даже нанести вред.

Ленин подтверждает

Как ни странно, в оценке реформ ближе других был к истине «вождь мирового пролетариата». Еще в 1907-м Ленин писал: «...Это вовсе не мираж, как иногда говорят легкомысленные болтуны демократической журналистики, это — реальность экономического прогресса на почве сохранения помещичьей власти и помещичьих интересов. Это путь невероятно мед-

ленный и невероятно мучительный для самых широких масс крестьянства и для пролетариата, но этот путь есть единственно возможный путь для капиталистической России, если не победит крестьянская аграрная революция».

Вынеся за скобки обычные ленинские штампы, трудно не признать правоту данного вывода, что же касается характерного допущения — «если не победит революция», — то в нем и кроется, пожалуй, суть затеянных Столыпиным социально-экономических мер.

В начале XX века Россия была преимущественно аграрной страной. Но крестьянские хозяйства оставались крайне малоэффективными. В большинстве губерний основным владельцем земли выступала сельская община, делившая ее по числу работников. Чтобы примерно уравнивать между пользователями различное качество наделов, их нарезали клочками на разных полях. Возникла «чересполосица»: каждая семья обрабатывала мелкие участки, раскиданные там и сям. Кто-то умирал, кто-то уезжал, и община принималась кроить освободившиеся участки, передавать их тем, чьи семьи прибавлялись.

Хозяйство велось по старинке, новейшие методики и передовая сельскохозяйственная техника применялись редко. Урожайность в крестьянском секторе была на 15–20 процентов ниже, чем на полях помещиков, и на 25–30 процентов меньше, нежели в прибалтийских губерниях, где господствовала не общинная, а частная собственность.

Продать свои участки крестьяне не могли. Если выходили из общины, то теряли землю. Поэтому даже те, кто работал в городах, предпочитали числиться в общине, а свои наделы сдавали в аренду односельчанам. Демографический рост в стране был очень высоким. С 1861-го по 1913-й население увеличилось в 2,35 раза, причем в основном за счет крестьян. Средний

размер надела на душу мужского населения в Европейской России сократился с 4,6 десятины в 1860-м до 2,6 десятины в 1900-м (а в южных, самых плодородных районах, еще значительно). Аграрный вопрос, стоявший чрезвычайно остро, послужил в разжигании революции 1905 года одним из серьезнейших факторов — его использовали все оппозиционные партии. Массовые волнения с захватами помещичьей земли, грабежами и убийствами захлестнули империю...

Метаморфозы власти

В 1906-м начала работу I Государственная дума. Правительство попыталось найти выход из тяжелой

ситуации вместе с депутатами, но это оказалось невозможно. Революционные партии требовали экспроприации частных владений, что вело к разрушению самых продуктивных хозяйств. Либералы выдвигали пустые декларации, к примеру, предложения увеличить наделы крестьян за счет государственных земель и имущества царской семьи. Хотя это было практически нереально — в центральных, наиболее перенаселенных губерниях, такой собственности почти не имелось. Ее львиная доля располагалась в северной тайге, Сибири, на Урале. В июле 1906 года откровенно деструктивная I Дума была распущена, а новым премьер-министром стал Петр Столыпин.

Он сразу же взялся за решение аграрной проблемы. 27 августа (ст. ст.) вышел указ о продаже крестьянам государственных земель, 5 октября — об отмене архаичных правовых ограничений крестьян. Раньше без согласия сельской общины они не могли поступить на учебу, госслужбу, получить паспорт для жительства в других губерниях, отныне такая зависимость упраздняялась. Затем вышел указ, облегчавший покупку земли в кредит через Крестьянский поземельный банк.

Ну а 9 ноября состоялся тот самый основной акт реформы — указ «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования».

Каждый член общины теперь был вправе потребовать, чтобы надел, который он обрабатывает, безвозмездно отдал ему в личную собственность. Мог выкупить у общины и дополнительные площади, но уже за плату. При желании и возможности вместо прежних участков в разных местах получал компактные владения в одном, это называлось «отрубом». Или «хутором» — если там же стоял дом хозяина. Столыпин являлся специалистом в области сельского хозяйства: окончил Санкт-Петербургский университет по специальности «агрономия», в период службы в департаменте земледелия и на различных административных должностях приобрел огромный практический опыт. Поэтому его закон в отличие от думских политизированных проектов был очень тщательно проработан.

Переход земель в частное владение подкреплялся и финансовой поддержкой, и государственной помощью по размежеванию, и системой агрономических мероприятий: организовывались опытные хозяйства с передовыми на то время технологиями, проводилось обучение крестьян, множились проратные станции сельскохозяй-

ственной техники, земские склады удобрений и высокосортных семян. Переселенческую политику царское правительство вело уже давно, крестьяне могли получить землю в малонаселенных районах Сибири, Казахстана, Дальнего Востока. Столыпин активизировал эту деятельность широкой целенаправленной программой. На нее также выделялись немалые средства. Государство гарантировало перевозки переселенцев. Они получали дотации из казны, ссуды и другую помощь.

Вершки и корешки

Чтобы понять, как шли реформы, взглянем на первые результаты. Волнения в деревне, достигшие максимального размаха в 1906 году, с началом преобразований быстро сошли на нет. К 1917-му около трети наделных земель успели передать в собственность крестьянам. Дополнительно около 10 млн десятин они купили при посредничестве Крестьянского поземельного банка. Развернулась механизация на селе, пошло активное внедрение современных технологий. В Сибирь переехали 3 млн человек, и хотя почти 20 процентов из них не прижились и вернулись, подавляющее большинство осталось. Только на Алтае они основали 3415

новых населенных пунктов, освоили 3,4 млн десятин пустовавших территорий. Помещичьи владения утратили свое исключительное значение — к 1916 году крестьяне засеивали почти 90 процентов обрабатываемых земель, давали основную часть сельхозпродукции. Урожай к 1913-му увеличился по сравнению с 1905-м значительно. Как видим, успехи налицо. Для выхода из аграрного кризиса «лекарство» Столыпина оказалось весьма эффективным.

И тем не менее выполнить стратегическую задачу, предотвратить революционную катастрофу, оно не смогло. Исследователи порой обращают внимание на «западнический», либеральный характер реформ: те разрушали деревенскую общину. Мышление крестьян, мол, перестраивалось с прежних традиционных ценностей на индивидуальные, эгоистичные интересы, а это способствовало расшатыванию устоев монархии, впитыванию революционной пропаганды. Подобные умозаключения содержат в себе серьезную ошибку. Да, Столыпин использовал элементы западных социальных моделей, однако никогда не был врагом общины. Он говорил: пусть собственность будет общая там, где община еще не отжила, там же, где она превратилась в тормоз для хозяйственного развития, следует менять формы землепользования. Дело в том, что общинные порядки уже полным ходом разрушались и извне, и изнутри. Капиталистические отношения, психология индивидуализма внедрились в крестьянскую среду. Петр Аркадьевич хотел общины реорганизовать, адаптировать к изменившимся условиям.

Из них тогда выделились миллионы крестьянских хозяйств, как правило, относящихся к двум группам. С одной стороны, были состоятельные и предприимчивые люди, стремившиеся наладить продуктивное товарное хозяйство. С другой — беднота, голь (нередко

пьяницы) или мужики, формально числившиеся в общине, но жившие в городах. Последние теперь получали возможность продать свои участки — правительство к этому относилось положительно, ведь земля освобождалась, доставалась тем, кто в ней действительно нуждался. «Равноудаление» обеих категорий шло на пользу и общине. Та избавлялась от «балласта», который вынуждена была тащить на себе, и от кулаков, подминавших под себя «общество», приноравливавшихся использовать его в собственных корыстных целях. А середняки предпочитали оставаться в общине. Реформа, кстати говоря, распространялась и на них — правительство уделяло первостепенное внимание созданию и развитию кооперативов. Число таковых быстро стало увеличиваться и к 1916 году достигло 47 тыс. Различными формами кооперации было охвачено более 13 млн крестьян.

На полпути

Аграрные преобразования являлись лишь частью комплекса дел, замышлявшихся Столыпиным. Дополнить все это предполагалось административными реформами, которые также были подготовлены: «Положение о поселковом управлении», «Положение о волостном управлении», реорганизация уезд-

ной и губернской администрации. Местному выборному самоуправлению намечалось предоставить гораздо более широкие права, чем прежде: осуществление полицейских функций в селах, сбор налогов, отбор призывников в армию, участие в работе уездных и губернских земских органов, избрание гласных для последующих ступеней выборов в законодательные учреждения.

Таким образом, крестьянские общины не отмирали, а воссоздавались на более высоком организационном уровне. На их месте возникали, во-первых, хозяйственные товарищества, во-вторых, развитое местное самоуправление, и они становились прочным фундаментом империи. Премьер заявлял, что государству требуется «двадцать лет покоя, внутреннего и внешнего», и при таких обстоятельствах оно станет несокрушимым.

Вторая, административная часть его преобразований, увы, так и осталась нереализованной. Правых проекты нововведений пугали как слишком демократические: монархия, по замыслам Петра Аркадьевича, должна была опираться на народ, на подавляющую часть населения. Но и думское большинство, вроде бы ратовавшее за демократию, спускало их на тормозах, поскольку они исходили от правительства. Законодательные инициа-

тивы Столыпина завязли в думских комитетах и даже не выносились на обсуждение. Показательный факт: Петр Аркадьевич предложил помимо всего прочего и кардинальное решение «еврейского вопроса», отмену «черты оседлости». Однако и вторая, и третья, и четвертая Думы не стали рассматривать данный законопроект! Он пролежал 10 лет, и депутаты как будто не обращали на него внимания. Почему? Да потому, что сохранение проблемы давало очень уж хороший повод для нападок на царское правительство. В целом же чтобы понять странное отношение парламента к полезным и выигрышным начинаниям, можно перефразировать известное столыпинское выражение: ему нужна была великая Россия, а оппозиционным политикам — великие потрясения.

Реформы, повторимся, представляли единый комплекс, и именно поэтому внедрение только одной, аграрной составляющей не могло решить всех острых политических задач. В итоге старое рушилось, а новое созидать не давали. Как следствие, и сами преобразования оказались непрочными. Грянул государственный крах 1917 года, и крестьяне ринулись заново делить землю — и помещичью, и своих односельчан, уже создавших индивидуальные хозяйства.

Как ни удивительно, многие задумки Столыпина воплотились в советское время. Например, сельсоветы. По своим функциям и правам они в значительной мере соответствовали выборным органам местного самоуправления, предусмотренным в проектах Петра Аркадьевича. Правовые механизмы хозяйственных товариществ и кооперации использовались в колхозах. Прямым аналогом прокатных станций сельскохозяйственной техники стали МТС. Правда, внедрялось все это через «великие потрясения», невероятные страдания народа, бездну насилия и море крови.

Переселенцы в Енисейской губернии

Наука побеждать

К. ЮОН. «ПАРАД НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ 7 НОЯБРЯ 1941 ГОДА». 1942

С главной площади — на фронт

Валерий Бурт

75 лет назад, 7 ноября 1941 года, руководитель СССР Иосиф Сталин выступил на Красной площади по случаю 24-й годовщины Октябрьской революции. Состоялся военный парад, участники которого сразу же отправлялись на передовую.

В ТОТ МОМЕНТ вермахт из последних сил ломился в ворота столицы. Гитлеровцы заняли Вязьму, Калугу, Малоярославец, Калинин, приблизились к Клину. Над Москвой нависла смертельная опасность...

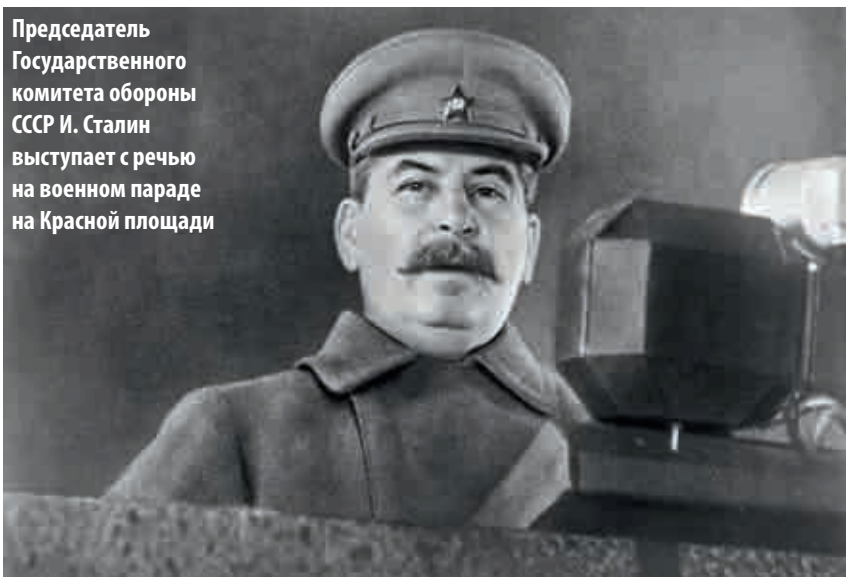
Накануне, вечером 6 ноября, на станции метро «Маяковская» прошло торжественное заседание, посвященное празднику Октября. Его открыл председатель Мосгорисполкома Василий Пронин. Далее слово взял председатель Государственного комитета обороны Сталин. Он говорил о ходе войны за истекшие месяцы, причинах временных неудач, о неизбежном разгроме захватчиков. Советский лидер завершил доклад словами: «Наше дело правое — победа будет за нами!» Отгремел концерт ведущих артистов столичных театров. В нем приняли участие и такие известные певцы, как Иван Козловский, Максим Михайлов.

В те дни в Москве была крайне тревожная обстановка. Хотя фашисты бомбили уже с несколько меньшей интенсивностью, с фронта приходили по преимуществу неутешительные новости. Совсем недавно — в середине октября — столицу наводнили слухи, что в нее вот-вот ворвутся немецкие части. Началась паника, остановился транспорт, закрылись магазины. На восток потянулись толпы людей с домашним скарбом, вереницы автомашин, повозок.

Восстановить порядок удалось оперативно. В газетах появились сообщения о привлечении к уголовной ответственности директоров предприятий, проявивших малодушие и самовольно оставивших посты, а также тех, кто расхищал госимущество, проводил «контрреволюционную агитацию».

Город ошетили противотанковыми ежами, баррикадами, проволочными заграждениями. Окна домов заложили песком или заколотили толстыми досками. Тем не менее руководство страны решило не изменять давней традиции и устроить торжество на Красной

Председатель Государственного комитета обороны СССР И. Сталин выступает с речью на военном параде на Красной площади

площади. Известный филолог Леонид Тимофеев записал в дневнике 4 ноября 1941 года: «Говорят, что 7-го в Москве будет парад! Рискованно, но умно. Политический эффект от этого будет равен военному успеху и сильно ударит по престижу Германии...»

Спустя два дня Тимофеев снова делится впечатлениями: «Без перемены. Завтра парад, на улицах красные флаги. Чудесная погода. Нем-

цы, к моему удивлению, вели себя тихо. Правда, в 6 часов была тревога, минут на 40. А вечером несколько раз стреляли довольно сильно, но ничего необычного не было, хотя парад имеет, конечно, большое политическое значение. Может быть, завтра что-нибудь произойдет... В газетах указано, что 7-е было в немецких листовках указано как день парада немецких войск. Что ни говори, немцы застряли. При всех

Маршал С. Буденный принимает парад

успехах — решающий до сих пор не одержали. То, что Москва еще стоит по истечении 138 дней войны, говорит о многом».

Гитлер действительно рассчитывал захватить столицу Советского Союза до холодов. Были отпечатаны приглашительные билеты на торжественный вечер, в которых, в частности, говорилось: «Москва взята! С нашими знаменами — победа. Предполагается грандиозный фейерверк». Время было предоставлено, а дата — нет.

Некоторые немецкие солдаты и офицеры, предвкушавшие грандиозный успех, даже воевали в парадном обмундировании. В нем захватчиков и хоронили недалеко от города, куда они так стремились.

А следующий факт не требует комментариев. Комендант Москвы, генерал-майор Кузьма Синилов в ноябре докладывал наркомму внутренних дел Лаврентию Берии: «В городе проживает много враждебного, антисоветского элемента, деятельность которого все больше активизируется по мере приближения фашистской армии к столице. За период с 20 октября по 2 ноября 1941 года расстреляно на месте — 7 человек, расстреляно по приговору трибуналов — 98 человек. Осуждено к тюремному заключению на разные сроки — 602 человека».

7 ноября на московских улицах бушевала пурга, наметая огромные сугробы. Люди тревожно поглядывали вверх — не покажутся ли гитлеровские стервятники. Но, вероятно, враг был научен горьким опытом. За день до праздника штаб ПВО сообщил, что к Москве пытались прорваться 250 крылатых машин люфтваффе. Однако ни одной

Немецкие солдаты и офицеры, предвкушавшие успех, даже воевали в парадном обмундировании. В нем захватчиков и хоронили недалеко от города, куда они так стремились

не удалось даже близко подойти к столице. В тот день сбили 34 вражеских самолета.

И 7-го красноезвездная авиация оказалась готова к отражению воздушного нападения. Свыше пятисот боевых единиц, дислоцированных на подмосковных аэродромах, могли в любую минуту запустить моторы. Жерла зениток устремились в тревожное серое небо... В то памятное ноябрьское утро в городе

было тихо. Лишь на подступах к Красной площади слышались голоса, гудели движки грузовиков, ревели танки и бронемашин.

«Часы Спасской башни гулко бросили на площадь восемь ударов, — рассказывала на другой день «Правда».

— Парад, смирно!

Из ворот Спасской башни на добром горячем коне выезжает заместитель народного комиссара обороны СССР Маршал Советского Союза тов. Буденный. Навстречу ему скачет командующий парадом генерал-лейтенант тов. Артемьев...»

Открыли праздник курсанты артиллерийского училища. Под бравурную музыку маршировали истребительные батальоны всех столичных районов — рабочие, инженеры, служащие, ученые. Затем на брусчатку Красной площади ступили пехотинцы, артиллеристы, моряки. Вслед за ними поскакали кавалеристы и понеслись пулеметные тачанки.

«Степенно и строго... проходит моторизованная пехота, — писала газета «Московский большевик». — Неслышно катят автомобили с зенитными установками — одним из самых популярных в Москве родов артиллерийских войск... Завершая марш советской военной техники, площадь заняли танки, их было

200! Сначала по заснеженному асфальту прошли маленькие подвижные танкетки... За ними шли легкие танки, средние, тяжелые...»

Речь Сталина транслировалась на весь Советский Союз. Верховный главнокомандующий говорил об угрозе, нависшей над страной, тяжелой обстановке на фронте. Выразил уверенность, что Великая Отечественная закончится неминуемой победой Красной армии. Заклучали небольшое выступление слова, вошедшие в историю, обращенные к воинам: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!»

Сталин заверил, что «немецко-фашистские захватчики стоят перед катастрофой», ибо за прошедшее время они потеряли четыре с половиной миллиона солдат и офицеров. Подчеркнул, что враг истекает кровью, его людские резервы иссякают, а потому он не сможет долго выдерживать такого напряжения. Наконец резюмировал: «Еще несколько месяцев, еще полгода, может быть, годик — и гитлеровская Германия должна лопнуть под тяжестью своих преступлений».

Конечно, несколько преувеличивал, выдавал желаемое за действительное. Но измученным и голодным людям, потерявшим близких, нужен был глоток свежего воздуха надежды, требовались слова, которые бы дали силы, вдохновили на борьбу с оккупантами. И Сталин добился своей цели — народ почувствовал облегчение, в нем проснулась вера в грядущую победу, сильные сосредоточенные лица озарились улыбками.

На экраны кинотеатров как раз вышла комедия «Свинарка и пастух» с Мариной Ладыниной, Николаем Крючковым и Владимиром Зельдиным. В кинозалах слышался

смех, а на улицах грохотали зенитки, рвались бомбы, свистели осколки. 9 ноября в филиале Большого театра на Пушкинской состоялся первый концерт артистов оперы и балета. Представление, которое длилось около пяти часов под непрерывные овации, трижды прерывалось из-за воздушных тревог. Исполнители прямо в сценических костюмах поднимались на крышу и вместе с дежурными тушили «зажигалки».

Враг тем временем продолжал упорно продвигаться к сердцу России. В конце ноября войскам вермахта удалось овладеть Клином, Солнечногорском, приблизиться к Химкам и выйти к каналу Москва — Волга в районе Яхромы. Фашисты захватили Красную Поляну, которая находилась в 27 километрах от столицы. Оттуда немецкие генералы через мощные бинокли разглядывали величественные стены Кремля. И, разумеется, предвкушали скорый триумф.

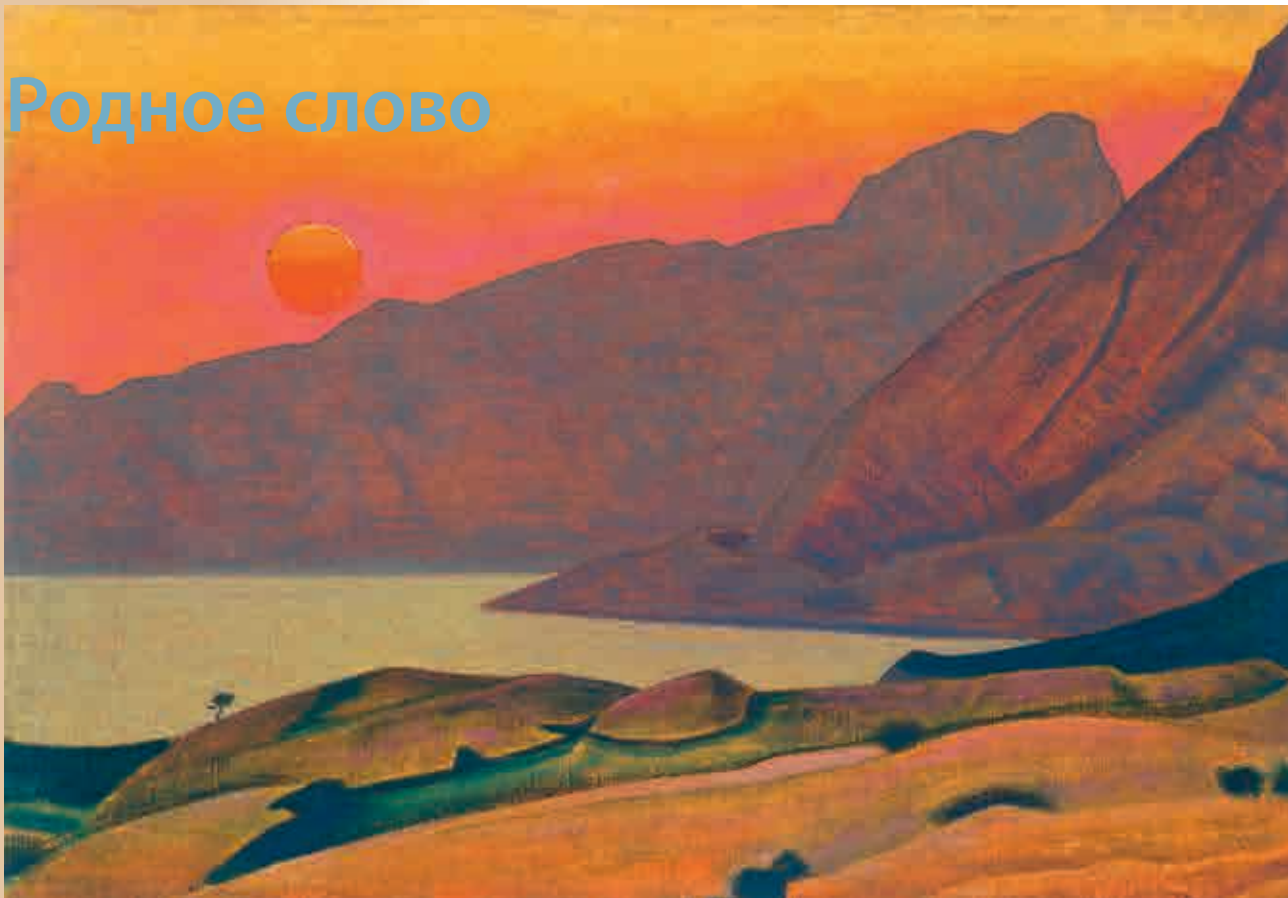
Они жестоко ошибались. В Москве уже появились свежие сибирские части. Молодые, крепкие здоровяки в ладных полушубках с песнями маршировали по улицам, гордо печатая шаг. Прохожие замирали от радости, мы наполнялись уверенностью. Близился час первой большой победы в Великой Отечественной войне.

ФОТОГРАФИИ: РИА НОВОСТИ

Родное слово

Н. РЕРИХ. «МОНХЕГАН. МЭН». 1922

Энрофа тернистые тропы

Дарья Ефремова

Одни сравнивали его с Ибсеном и Данте, другие почитали как пророка, третьи обвиняли в сектантской пропаганде.

2 ноября исполняется 110 лет со дня рождения Даниила Андреева, поэта, писателя, автора одной из самых знаменитых и спорных книг XX века, эзотерического трактата «Роза мира».

«**Я** НЕ ЗНАЮ, где и когда умру на этот раз, но знаю, где и когда умирал я в последний раз перед тем, как родиться в 1906 году для жизни в России. Последняя смерть моя произошла около трехсот лет назад в стране, возглавляющей другую, очень древнюю и мощную метакультуру. Всю теперешнюю жизнь, с самого детства, меня томит тоска по этой старой родине; быть может, так жгуча и глубока она потому, что я прожил там не одну жизнь, а две, и притом очень насыщенные» — эти строки, как почти вся «Роза мира», легли на бумагу во Владимирской тюрьме.

Сосед по «академической камере», профессор-физиолог Василий Парин с удивлением рассказывал: «Было такое впечатление, что он не пишет, в смысле «сочиняет», а едва успевает записывать то, что потоком на него льется».

Поток и правда был щедрым: не только непонятные даймоны, стихии, уицраоры и затомисы, которые ему припоминает православная критика, — судьбы и воплощения известных людей, миссии библейских персонажей...

Взять «корсиканское чудовище». «Тот, кто был Наполеоном, рождался несколькими веками ранее с подобной же миссией «увеличения страданий» в халифате Аббасидов. После апофеоза в роли императора французов он несколько лет пробыл на Дне, потом в Гашшарве (один из основных слоев демонического антикосмоса. — «Свой»), где его подготавливали к третьей темной миссии: созданию религии левой руки в Германии. Если бы это удалось, задачи Гитлера были бы весьма облегчены, а сам Наполеон, в третий раз пав на Дно, испытал бы провал в Суфэтх и выпадение из Шаданакара (мир огромного числа разноматериальных слоев. — «Свой»). К счастью, его удалось вырвать из Гашшарвы; в этом принимали участие, между прочим, Людовик Святой и сама Жанна д'Арк».

Предателя Иуду дух Даниила Леонидовича встретил в Олирне, высшем мире, куда не отягощенные большими грехами человеческие монады возносятся для очищения и трансформации. «Свыше шестнадцати веков длился его путь сквозь страдалища. Низвергнутый грузом кармы, неповторимой по своей тяжести, в глубочайшее из них... он был поднят оттуда Тем, Кого предал на земле».

Теперь Иуда живет на острове, не общаясь ни с кем из обитателей надмирного ангелического града. «Остров суров, внутри него — нагромождение странных скал, вер-

Д. Андреев. 1959

шины которых все наклонены в одну сторону. Вершины — острые, цвет скал — очень темный, местами черный... В грядущем, когда в Энрофе наступит царство того, кого принято называть антихристом, Иуда, приняв из рук Преданного великую миссию, родится на земле, исполнив ее, примет мученическую кончину от руки князя Тьмы».

Подобного рода зарисовки вкупе с утверждениями автора, что он видит иные миры, их ландшафты и обитателей с раннего детства — а в тюрьме медиумические способности еще более усилились, — казались бы в лучшем случае художественным вымыслом, но в силу обстоятельности и философичности этой работы в Андрееве признали мыслителя, ученика Данте и Мильтона, последователя Достоевского, предтечу Камю и Сартра. Об истинной духовности, напряженном поиске ответов на вопросы бытия, о нравственных началах и гармонизации человека как наивысшего эволюционного звена писали и его первые читатели — в

**Ее славят предания,
Утверждают прозрения,
Возвещают пророки страны;
В те нездешние здания
По мирам просветления
Проникают порой наши сны...
Нет ни трона, ни града там;
Но в верховных селениях
Святорусский блистает Синклит:
По играющим радугам
От свершенья к свершению
Он взошел, он растет, он творит...
Кремль Небес! — Разорвалось бы
Сердце наше кровавое,
Если б внутренний слух уловил
Не моленья, не жалобы —
Хор, бушующий славою
В час явленья им ангельских сил...
Только радость предчувствия
Отражаю в искусстве я,
Хрупким шелком словесным шурша,
Но и этими поисками,
Но и этими отблесками
Озаряются ум и душа.**

Даниил Андреев,
«Святая Россия», 1956

РОДНОЕ СЛОВО

основном связанные с самиздатом филологи. Книга, законченная в конце 1950-х, была опубликована в России только в 1991-м...

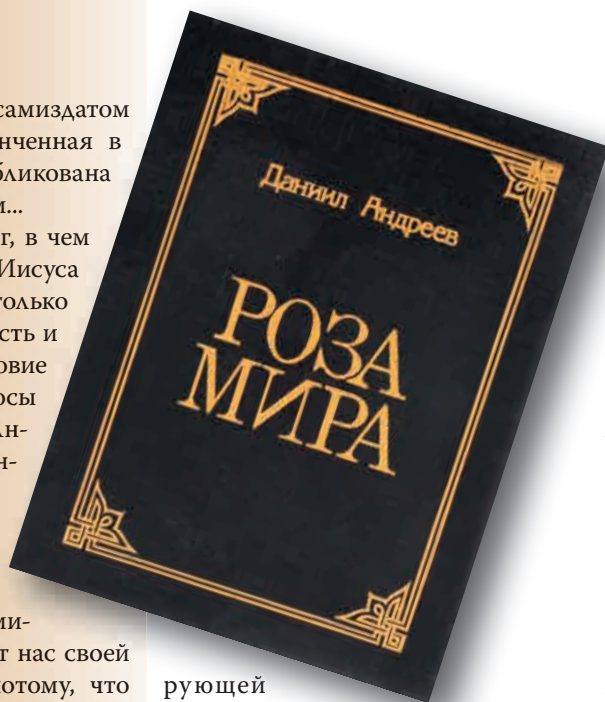
Что есть истина и Бог, в чем заключалась миссия Иисуса Христа, зачем в мире столько зла, что такое праведность и обязательное ли ее условие аскеза — на эти вопросы искал ответы Даниил Андреев, описывая свои Энрофы и Шаданакары.

«От Бога только спасение. От Него только радость. От Него только благодать. И если мировые законы поражают нас своей жестокостью, то это потому, что голос Бога возвышается в нашей душе против творчества Великого Мучителя. Взаимная борьба демонических монад, победа сильнейшего, а не того, кто более прав, и низвержение побежденного в пучину мук — этот закон люциферических сил отобразился на лице органического мира Энрофа, выразившись здесь в законе «борьбы за существование».

Излучение страдания и боли — у Андреева это называется «гаввах» — пища демонов всех видов и рангов. Налагая свою лапу на законы мира, дьявол (в книге его зовут Гагтунгр) искажил их, «чтобы породить и умножить страдание». Он воспрепятствовал установлению «закона трансформы», так и возникла смерть. Запретил принцип всеобщей дружбы — так появилось и стало жизненным правилом «взаимопожирание».

Служивший в годы Великой Отечественной рядовым в похоронной бригаде (говорят, не только собирал трупы, но и читал молитвы над погибшими), Андреев был уверен в том, что человечество движется к краху, что не избежать появления антихриста и третьей мировой войны.

«Роза мира» — интеррелигиозная, всечеловеческая церковь новых времен с «этической контроли-

рующей инстанцией над нею» — единственный путь к спасению. Государства должны превратиться в братства, планета — в сад, а от всех религий могут быть восприняты только высшие духовные ценности. Как утопист он рисовал и идеальные миры — посмертные, потусторонние. Например, Олирну, где белые башнеобразные облака на зеленом небе, солнце, играющее всеми цветами радуги, изумрудно-бело-золотой ландшафт, высокие, удивительных форм дома, исключительно дружелюбные, вечно юные люди, общение с ними доставляет только положительные эмоции.

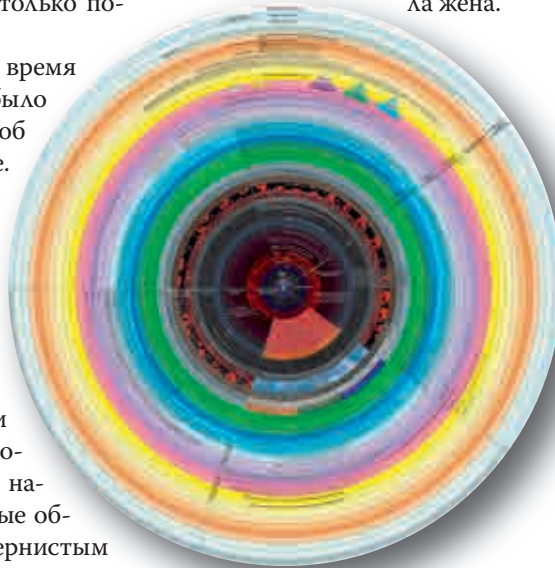
«И все же первое время в Олирне для меня было отравлено тоской об оставшихся в Энрофе. Там остались дети и внуки, друзья и старушка-жена — то драгоценнейшее для меня существо, ради которого я нарушил закон касты и стал неприкасаемым. Прерыв связи с ними питал постоянную тревогу об их судьбе; скоро я научился видеть их смутные облики, блуждавшие по тернистым тропам Энрофа. А некоторое время спустя уже встречал свою жену

такую же юную, какой она была когда-то, но более прекрасную: ее путь в Энрофе завершится несколькими годами позже моего, и теперь радость нашей встречи не была омрачена ничем».

...Из заключения писателя встречала Алла Александровна, жена.

Вспоминала, как, изможденный и худой, он вышел из крепости на Лубянке в залитую солнцем Москву, она ждала, застыв от волнения. Взялись за руки, отправились в Подсосенный переулок, к ее родителям. Немолодые и нездоровые люди (он был неизлечимо болен, вскоре захворала и она) жили где попало — у друзей на даче, в старых деревнях, в Доме творчества. Когда ему заплатили пенсию — сняли крошечную квартирку в Ащеуловом переулке в Москве.

Он никогда не был признанным литератором, до войны и тюрьмы числился художником-оформителем, перебивался случайными заработками, читал свои вещи в узком кругу друзей. «Розу мира» закончил в октябре 1958-го, а в марте 59-го Даниила Андреева не стало. «Было такое чувство, будто ангел, поддерживавший его все время, с последней строчкой этой книги тихо разжал руки — и все понеслось навстречу смерти», — записала жена.

Шаданакар (брамфатура Земли)

Метод Пырьева

Во второй половине 1980-х мало кого из титулованных деятелей отечественной культуры так усердно и последовательно уничтожали *post mortem*, как Ивана Пырьева. Выбрали из его большого наследия удостоенную Сталинской премии второй степени послевоенную картину «Кубанские казаки» и объявили ее символом лживо-лакировочного кинематографа. Самого режиссера записали в конъюнктурщики, полупрофессионалы.

И. Пырьев

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Николай Ирин

ВНЕЗАПНО обретшие социальную силу и право публичного голоса странные люди принялись втаптывать в грязь мастера и присущую ему идею жанровой условности. Достаток, в котором живут его герои, объявили не существовавшим, радость повседневной жизни — они в ней купаются — и вовсе постыдной. Дескать, в стране победившего все

и вся тоталитаризма ни элементарной сытости, ни искрящейся радости быть не могло по определению.

Самое подлое в этой позиции — лицемерное сочувствие народу, будто бы его обманули, предъявив бутафорские килотонны еды. Чем и оскорбили, мол, и развратили, и деморализовали.

Обвинения выдвигали главным образом «правдолюбцы», кои го-

товы были себе лбы расшибить, истово молясь на голливудскую продукцию прежних и новых лет. Не то чересчур циничные, не то слишком поверхностно мыслящие искатели социально-политических истин отказывались замечать, что творчество Пырьева — совсем не архаика, но передовое и конкурентоспособное для своего времени жанровое искусство. Кассовое, массовое, демократичное.

В конце концов, его кинематограф — здоровое рыночное производство, отвечавшее на запрос не столько партийно-правительственной элиты, сколько большей части народонаселения огромной страны. Поразительно, но именно такое кино было объявлено неприемлемым в эпоху так называемых рыночных перемен!

Реабилитация художника — важнейшая символическая задача наших дней. Этот сначала актер, потом режиссер и, наконец, организатор производства (по-новому — продюсер) давным-давно обозначил базовый вектор культурной эволюции. Он не локальное явление, но фигура мирового значения. В отечественном масскульте конкурировать с ним по уровню популярности и народной любви несколько десятилетий мог разве только Григорий Александров, его друг и соратник еще с Гражданской войны. Оба в конечном счете выбрали жанр музыкальной комедии.

Правда, Александров, некоторое время поработавший с Сергеем Эйзенштейном в Америке, склонялся к франко-галстучной культуре устоявшегося городского типа, джазу, внешнему лоску и броскому артистизму. Уже в «Веселых ребятах» спешил интегрировать своих простоватых героев в городскую среду, где костюмы ладно скроены, а сцена жизни ярко освещена прожекторами. Видимо, недаром с малолетства служил он рассыльным в Екатеринбургском оперном театре, а далее — помощником реквизито-

ра, электротехником и помощником режиссера.

Пырьев же, родившийся в глухом алтайском селе Камень, рано потерявший отца и воспитывавшийся в семье деда-старообрядца, с малых лет познавший сельский труд (например, в «должности» пастуха), изначально тянулся к аграрной тематике. Сегодня трудно осознать, насколько сложным оказалось совмещение темы деревни с такой городской развлекательной технологией, как кинематограф.

Ведь нигде в мире задача столь стремительного окультуривания колоссальной сельской общности не была еще решена. Более того, такая цель за пределами СССР даже не ставилась. Однако у Советской страны явно не хватало времени на медленное эволюционное развитие. По существу, Ивану Александровичу приходилось многое изобретать заново, тогда как Григорий Васильевич, при всем к нему безграничном уважении, имел возможность некоторые вещи калькировать с заокеанских первоисточников.

В чем творческий подвиг Пырьева? Он дает принципиально новую образность в доступном для широких масс режиме, не поступаясь при этом зрелищностью и, что бы там ни пели недоброжелатели, психологической правдой.

Аграрная среда есть доминирование природного начала. Люди на селе «растут как трава»: за ними — невероятная сила матери-земли, но и закономерная, с точки зрения городской прослойки, некультуренность, замешанная на естественном эгоизме: «я», «мне», «мое» — крайне неудобная в эпоху коренной модернизации общества лексика жителя деревни.

Пырьев уверенной рукой пишет картины приемлемого в новых социальных условиях поведения прежнего человека. Огромный мир бросает традиционно сельской стране вызов, и она, поначалу инертная, неповоротливая «от Москвы до самых до окраин», приходит в движение. При чем удается показать сперва душевный, внутренний поворот и только потом, как следствие, ревущую динамику комбайнов или танковых колонн.

В «Трактористах» — первой ленте Пырьева, удостоенной Сталинской премии, и режиссерский гениальный громила Назар Дума (Борис Андреев), и его приятель, прибалтненый балагур Савка (Петр Алейников), конечно, обаятельны, однако весьма brutальны и даже страшноваты. Где тут лакировка? Нет и в помине. Просто кинохудожник не размазывает образы мужиков, тем более не высмеивает их, как это «будет принято» у отечественных кинематографистов позднейших времен. Ведь бедовая молодежь, трудная русская деревенщина — одновременно и серьезная социальная проблема, и плоть от плоти наши, родные люди, соотечественники. Более того — потенциальные герои, единственная надежда России, оказавшейся в кольце врагов. Именно этим парням судьбой предназначено обливаться потом на полях и в цехах, а

А. Мягков, Л. Пыррева и И. Пырьев на съемочной площадке фильма «Братья Карамазовы»

ФОТО: ВАЛЕНТИН МАСТЮКОВ/ТАСС

Ю. Яковлев в фильме «Идиот». 1958

ФОТО: РИА НОВОСТИ

с высокого слога — на юмор, с куплетов — на распев. Его картины ритмически безупречны, актеры послушны общему замыслу, но при этом оригинальны. Композиторы, в первую очередь Тихон Хренников с Исааком Дунаевским, щедро рассыпают по кинофильмам свои песенные хиты.

Основная черта Пыррева — воодушевленность. Этот сильный, активный человек, еще в юности награжденный на фронтах Первой мировой двумя Георгиевскими крестами, прошедший Гражданскую, участвовавший в создании Уральского Пролеткульта, игравший в спектаклях Эйзенштейна и Мейерхольда, руководивший «Мосфильмом», организовавший Высшие режиссерские курсы и Союз кинематографистов СССР,

М. Ладынина в фильме «В шесть часов вечера после войны». 1944

ФОТО: РИА НОВОСТИ

совсем скоро — проливать кровь, проявляя былинное мужество и природную смекалку, погибать на фронтах финской и Великой Отечественной.

Поразительны интуиция и вера в этих мужиков, мастер с ними очевидным образом солидаризируется: сам таков, из таковых. Подобную интонацию солидарности при всем желании не сымитируешь.

Клим Ярко, которого играет Николай Крючков, не случайно одет в

красноармейскую гимнастерку. Он взят в оборот партией и правительством, «мобилизован и призван». В определенном смысле — скрепа, дисциплинированный элемент, на личном примере демонстрирующий дикой, прибалтненной гопкомпании эффективность социальной организации, надежность человеческой спайки.

Режиссер идеально чувствует, когда нужно переключаться с мобилизационного плана на лирику,

электризовал съемочную группу и коллег.

Но главное — не проходящее с годами воодушевление практически всех его ключевых персонажей. В этом отношении он не знает себе равных. Ему удалось воплотить на экране то, чем «болел» сам, от чего в конечном счете умер посреди очередного съемочного процесса. (Не выдержало сердце: Иван Александрович перенес на ногах несколько инфарктов.)

Означенное воодушевление — не глуповатая наивность, не деланная восторженность. В его основе — умение соинтонировать коллективному народному телу. Советский человек реально рождался из крови и ненависти Гражданской, «перегибов» коллективизации, соленого пота индустриализации, из розни, слез и скорби Великой Отечественной. Пырьеву удавалось угадывать бессознательные чаяния народного большинства. Впрочем, «угадывать» — словечко, подразумевающее как будто некоторую корысть. А он просто-напросто дышал с этими людскими массаами, иногда косными и агрессивными, необученными и подозрительными, в синхронном режиме. Выступал в качестве органа чувств, вопло-

ну разделить на всех как беду, так и счастье. Вот что есть «типовое», миллион раз оболганное советское воодушевление. Вот что такое «метод Пырьева».

*Из сотен тысяч батарей
За слезы наших матерей,
За нашу Родину —
Огонь, огонь!*

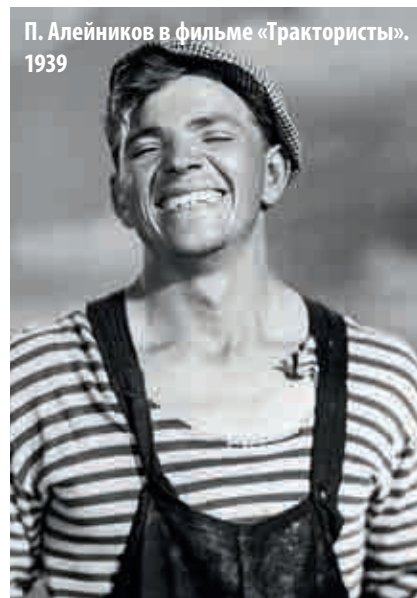
Отдельно следует сказать о женских образах. Женщина у него всегда чрезвычайно значимая часть мироздания. Не просто жанровый элемент, не частный случай, но одна из первооснов бытия. Стихия!

Его муза и жена Марина Ладынина очень точно балансирует между наивностью ума и всеведением сердца. Она всегда немного не в себе, чуть в стороне от частной фабулы. Ее способность в

а в народе начали укореняться городской индивидуализм и сопутствующая психологическая сложность, как Пырьев считал нужным отойти от прежней тематики, взявшись экранизировать Достоевского.

«Идиот», «Белые ночи» и «Братья Карамазовы» — движение навстречу новому советскому индивидууму, теперь «повзрослевшему». Человеку, который потихоньку учится жить наедине с самим собой, разбираясь в собственной душе. В этих подчас неровных, но, как и прежде, прощательных работах режиссер угадывает обновленного зрителя, сотрудничает с ним.

Он — мэтр, орденосец и депутат — снова не выше своего народа. Вгрызается в тексты сумрачного

П. Алейников в фильме «Трактористы», 1939

«Белые ночи», 1960

щенного средства их самовыражения. Пырьев — поэт эпохи, хронологически расположившейся между аграрной архаикой и постиндустриальным индивидуализмом.

Дабы смертельное усилие не привело к летальному исходу, нужно максимально довериться судьбе, положиться на нее; собрав волю в кулак и отбросив личное, слиться с себе подобными, опознав их за равных, а потом поров-

одиночку, не форсируя, выдавать отвлеченные категории паразительна. Любовь и Самоотверженность, Нежность и Решительность в исполнении Ладыниной универсальны. Вдобавок все это предельно верные чувства, не подверженные прихотям сюжета. Ее героини надежны, как надежен наш народ-победитель.

Чутье у Пырьева звериное. Едва изменился социальный вектор, едва устоялся новый порядок,

гения, словно разгадать их — вопрос жизни и смерти.

Только предвзятым людям может прийти в голову «шить» Пырьеву дело о сотрудничестве с тоталитаризмом. Если внимательно всмотреться в его правдивые картины, то легко убедиться: никакого тоталитаризма не было. Наличествовали у народа цветущая сложность и по-своему счастливая судьба.

В противном случае самого народа давно бы не существовало.

М. Таль на 50-м чемпионате СССР по шахматам в Москве. 1983

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Шахматный демон

Валерий Бурт

В последнее время о Михаиле Тале стали забывать. Увы, покрываются пылью любые, даже самые яркие портреты. А в 60–70-х годах минувшего столетия имя этого шахматиста было на слуху у всего мира. Он стремительным вихрем некогда ворвался в спокойное, академичное шахматное царство. И действовал так, как никто другой.

УРОЖЕНЕЦ Риги Миша Таль был редкостным вундеркиндом. Трех лет от роду уже читал, пятилетним — перемножал трехзначные числа. Пробежав глазами страницу текста, воспроизводил ее слово в слово. И тут война...

В июне 1941-го, через несколько дней после начала Великой Отечественной, семья Талья чудом, едва ли не на последнем спасительном поезде, уехала из столицы Латвийской ССР, куда стремительно надвигались германские части.

В эвакуации мальчик пошел в школу. В первом классе проучился всего несколько дней. Учительница поняла, что там ему делать нечего, и перевела сразу в третий. В Ригу родители

будущего чемпиона мира вернулись в 1945 году, после освобождения города от оккупации. В то время Мише было восемь. О шахматах он еще не помышлял. Получив аттестат о среднем образовании в 15 лет, поступил на философское отделение Рижского университета. Окончив вуз, преподавал литературу в школе.

Что же касается самой умной на свете игры, то за шахматную доску он сел в десятилетнем возрасте, и это занятие сразу же его поглотило. В семнадцать стал чемпионом Латвии, а в 1957-м победил на первенстве СССР, которое неизменно собирало очень сильный состав участников. Через год 21-летний Таль доказал, что успех тот был вовсе не случайным, и снова выиграл союзный чемпионат.

Он играл вопреки канонам, жертвуя налево и направо легкие и тяжелые фигуры, создавая на доске столь сложные, запутанные позиции, что многие его соперники были просто не в состоянии просчитать все возможные варианты. Нервничали, ошибались, останавливали часы.

На вопрос, в чем красота шахмат, Михаил Нехемьевич как-то отве-

тил: «Для многих моих коллег она заключается в торжестве логики. И я нередко добиваюсь цели с помощью здравого смысла, но все же больше ценю в шахматах триумф алогичности, иррациональности, абсурда».

За молодым гроссмейстером с пылающим, почти демоническим взглядом — многие считали, что он гипнотизирует противников, — с нарастающей тревогой следил чемпион мира Михаил Ботвинник. Их встреча была уже не за горами.

В 1958-м Таль уверенно выигрывает межзональные соревнования, а затем — турнир претендентов, громя югослава Светозара Глигорича, исландца Фридрика Олафссона и представителя США Пала Бенко с одинаковым счетом — 3½:½. Ну а будущего чемпиона мира Роберта Фишера, слышавшего тогда юным дарованием, он просто сметает со своего пути — 4:0!

Наступает 1960 год — время самого высокого взлета Таля, его звездный час. Он приезжает в Москву на матч с чемпионом мира, ленинградцем Ботвинником. Искатель приключений — против шахматного классика. Ажиотаж в столице царит неопишутый: все

пространство Тверского бульвара перед театром Пушкина, где проходит битва, заполнено людьми. Они с напряженным вниманием следят за большой демонстрационной доской, где отражаются перипетии борьбы двух незаурядных личностей, шахматных Моцарта и Сальери.

Те, что моложе, горячо болеют за 23-летнего претендента, представители старшего поколения переживают за чемпиона, которому скоро стукнет полтинник. Стоит отметить, что в ту пору шахматы в СССР по популярности не уступали футболу и хоккею.

В первой партии Таль разгромил позицию соперника и одержал победу в характерном для него блестящем стиле. Потом последовала серия из четырех ничьих, и можно было предположить, что Ботвинник готовился к решающей схватке. Но в двух других партиях претендент увеличил отрыв до трех очков. Казалось, что он без труда добьет «старика».

Однако многоопытный шахматист вернул мечтательного молодого человека с небес на землю, заставил его капитулировать в следующих двух партиях. Впрочем, это был последний успех мэтра, и далее за доской безраздельно доминировал соискатель. Лимит матча, 24 партии, так и не был использован, ибо после 21-го поединка стало ясно: рижанин — восьмой чемпион мира, причем самой молодой в истории шахмат. Окончательный счет — 12½:8½ в его пользу.

Многие считали, что и спустя год, в матче-реванше, у Ботвинника будет мало шансов. Кто-то даже полагал, что экс-чемпион мира вообще откажется от попытки остановить цунами по имени Таль. Но Михаил Моисеевич не думал сдаваться. Наоборот, рассердился — на себя, на соперника — и стал тщательно готовиться к новой схватке.

Ну а тот, кто недавно снискал высший титул, легкомысленно, чисто по-королевски пребывал в

М. Таль и М. Ботвинник во время игры за звание чемпиона мира по шахматам. 1960

ФОТО: РИА НОВОСТИ

эйфории. К тому же у него резко пошатнулось и без того далеко не богатырское здоровье. Он любил повеселиться, имел пристрастие к крепким напиткам, много и смачно курил. Разумеется, не прочь был поднять тост и за следующий успех. Но...

Матч-реванш начался с победы Ботвинника. В следующей партии Таль ответил блестящим маневром и сравнял счет. В третьей удача вновь улыбнулась экс-чемпиону. Затем последовала вереница из трех ничьих, после которой пошли результативные встречи. Однако явное преимущество было на стороне Ботвинника, выигравшего пять поединков и уступившего лишь в двух. После 13-й партии он вел с перевесом в четыре очка. У Таля мало что получалось, он выглядел непривычно скованным, неуверенным в себе. Соперник же играл просто великолепно. Уже почти никто не сомневался, что экс-чемпион мира вернет себе шахматную корону.

Так и произошло. Второй матч между этими великими мастерами, как и первый, уложился в 21 партию. Правда, убедительную победу одержал на сей раз ленинградец — 13:8.

Казалось, молодой и чрезвычайно талантливый рижанин еще не однажды будет претендовать на титул. Однако все его последующие попытки взойти на покоренную прежде вершину оказывались неудачными, во многом потому, что тяжелые недуги неуклонно подтачивали организм. За свою жизнь шахматист перенес двенадцать операций. Во время партий он часто глотал таблетки, чтобы унять боль.

Таль вел себя предельно мужественно — не просто участвовал в турнирах, но отменно играл, поражая своих поклонников блистательными комбинациями. И — экстравагантными поступками.

В начале 70-х ему предстояла сложнейшая операция по удалению больной почки. Михаил Нехемьевич чувствовал себя худо, и в редакции журнала «Шахматы в СССР» решили подстраховаться: на всякий случай подготовили некролог на смерть экс-чемпиона мира. К счастью, все обошлось. Когда он приехал в Москву и заглянул в редакцию, кто-то показал ему текст посмертного панегирика. Таль прочитал его, посмеялся, а потом долго шутил: «Я единственный человек на земле, читавший собственный некролог!»

Падения, увы, случались чаще, чем взлеты. Его взгляд уже редко горел, когда он склонялся над доской, просчитывая варианты. Гуляли разговоры, что Таль устал от шахмат. Мастер и впрямь устал, но больше от жизни, где надо постоянно бороться не столько с соперниками, сколько с обстоятельствами, недугами...

В последние годы он выглядел неважно. Однажды за границей его узнал и поприветствовал кто-то из знакомых.

— Спасибо! — сказал Таль.

— За что? — удивился прохожий.

— За то, что узнали меня, — грустно улыбнулся гроссмейстер.

Михаил Таль чем-то напоминал, пожалуй, Владимира Высоцкого. Оба — яркие, талантливые, неповторимые. И тот, и другой сгорели до срока. Они, кстати, были знакомы. Помните у главного нашего барда: «Мы сыграли с Талем десять партий. В преферанс, в очко и на бильярде...»? Ну, не десять, конечно, а две — в шахматы — они действительно сыграли. Шахматист рассказывал, что во втором поединке пытался предложить Высоцкому ничью. Согласился ли артист? Неизвестно.

В 1992 году, перед тем как лечь в больницу, из которой он уже не вышел, Таль участвовал в турнире по блицу в Москве и победил чемпиона мира Гарри Каспарова. Его глаза над шахматной доской вспыхнули в последний раз...

В 1992 году, перед тем как лечь в больницу, из которой он уже не вышел, Таль участвовал в турнире по блицу в Москве и победил чемпиона мира Гарри Каспарова. Его глаза над шахматной доской вспыхнули в последний раз...

P.S. В 1980-е Михаилу Талю настоятельно предлагали уехать за границу — во Францию, Швейцарию, Израиль, Канаду — на постоянное жительство. Некоторое время он с

женой и дочерью пытался обосноваться в Германии, где один из местных поклонников подарил ему дом. Но вскоре Таль затосковал и вернулся в родные пенаты. Он не представлял себе будущего без Родины, где были могилы родственников, жили близкие, друзья, почитатели. И просто не мог эмигрировать, считая это предательством.

Примечательно, что Михаил Таль умер через полгода после того, как его Родина, в ее прежнем, социалистическом виде, прекратила свое существование. Вскоре за тем уехала на постоянное жительство в Германию дочь гроссмейстера Жанна. И вот совсем недавно она заявила для прессы, что намерена покинуть Европейский союз и окончательно обосноваться в России. Интернет-журналу «Столетие» Жанна Михайловна, в частности, сообщила: «Мой папа был патриот до мозга костей... Прожив долгое время в Германии — общаясь в основном среди коренных немцев и владея языком в совершенстве — и несколько лет в Латвии, могу с уверенностью сказать: в России я себя впервые с детства чувствую дома... Сейчас переломное время, когда каждый из нас стоит перед выбором. Да, сложно, но для нас это честь — жить в такое время. Это для нас — экзамплен. На стойкость, на веру, на мужество».

A detailed historical map of Moscow, Russia, showing the city's layout, streets, and landmarks. The map is color-coded, with various shades of orange, yellow, and green. A semi-transparent white box is overlaid on the right side of the map, containing the title and introductory text. The map shows the city's expansion from the center towards the north and west, with the Moskva River visible on the left and bottom. The text box is positioned over the city center, specifically over the area of the Leфортово district.

Тут и Лефорто, и Тиммерман

Семнадцать лет назад в старинном Лефортово московские власти торжественно открыли довольно необычный культурно-исторический объект. Его оригинальность в том, что, во-первых, это единственный в столице музей, посвященный отдельному району, а во-вторых, в центре внимания тут экспозиции, прямо указывающие на зарождение одной из ключевых эпох в истории России. Причем тот период был помимо всего прочего ознаменован переносом столицы из Белокаменной во вновь строившийся на северо-западе страны град Петров.

Ольга Марьяновская

ЧТО НИ ГОВОРИ, а ситуация, если смотреть на нее под определенным углом, выглядит несколько пикантно: москвичи — инициаторами и организаторами выступили департамент культуры Москвы, районная управа и префектура Юго-Восточного административного округа — создали музей, во многом связанный со временем переезда русского трона на невские берега. Но можно ведь взглянуть и по-другому: именно отсюда пошли исторические преобразования Петра Великого, именно тут они замыслились и начали — с колоссальным напряжением национальных сил — осуществляться.

Открытие Музея истории «Лефортово» приурочили в сентябре 1999-го к 300-летию района. Хотя примерно тогда же музейные работники, перебирая архивные документы, выяснили: назначенный командиром 1-го Московского выборного солдатского

А. Бенуа. «Дом Анны Монс в Немецкой слободе». 1911

полка Франц Лефорт расквартировал его на левом берегу Яузы в 1695 году, заложив тем самым военный городок. Образовалось полтысячи деревянных двухэтажных домов (на 50 человек каждый), фактически прототипов первых российских казарм. Поселение называли Новой солдатской, или Лефортовской, слободой. Архитектурно-исторические особенности этой части Москвы заслуживают особого внимания.

Дворец для своего друга Лефорта Петр I распорядился в ту пору построить неподалеку от солдатских казарм, на правом берегу Яузы, в Немецкой слободе (ныне — в пределах Басманного района). Торжества новоселья состоялись в феврале 1699 года, а уже через несколько недель, 2 (12) марта, Франц Яковлевич умер от заражения крови. Лефортовский дворец отошел казне, тут проходили приемы послов, пиры, разрабатывались и устанавливались новые для страны порядки. В 1707-м он стал собственностью Александра Меншикова.

Другой близкий сподвижник монарха, Федор Головин, в 1703 году возвел себе роскошную усадьбу уже непосредственно на территории современного Лефортовского района. Здесь разбили парк в голландском стиле, прорыли каналы, благоустроили пруды. Центром архитектурного ансамбля стал Головинский дворец. После смерти владельца в начале XVIII века Петр I приобрел поместье у его наследников и тоже использовал в качестве своей неофициальной резиденции. В Московском Кремле тогда проходили лишь коронационные церемонии, а большинство официальных и практически все личные приемы и празднества царь устраивал в Лефортово. Позднее, в период правления Анны Иоанновны, под руководством Бартоломео Франческо Растрелли здесь были сооружены Летний и Зимний (последний перенесен с территории Кремля) дворцы с роскошным парком, получившие общее название Анненгоф. Позднее тут же во время пребывания в Москве жила царица Елизавета Петровна. Эти здания, увы, до наших дней не сохранились, поскольку являлись деревянными и часто страдали от пожаров. От прежнего великолепия остался лишь доселе весьма живописный Лефортовский парк. Анненгофская роща была сильно потрепана ураганом 1904 года и вскоре после этого ликвидирована.

К 1796-му по проекту Петра Макулова построили новый, каменный дворец. Грандиозную колоннаду лоджии главного фасада, состоящую из шестнадцати коринфских колонн и являющуюся по сей день самой большой в Москве, соорудил Джакомо Кваренги. С 1797 года по распоряжению Павла I здание приспособили под казармы, а после Отечественной войны 1812-го в нем размещались кадетские корпуса. Сейчас тут находится учебно-научный центр Сухопутных войск Общевойсковой академии Вооруженных сил Российской Федерации.

На рубеже XVIII и XIX столетий в архитектурном облике Лефортово произошло еще одно существенное изменение. Вместо старых помещений Военного госпиталя по приказу императора Павла и по проекту Ивана Еготова в 1798-м началось возведение здания, сохранившегося — в перестроенном виде — до наших дней. Сегодня в нем расположен Главный военный клинический госпиталь имени Н.Н. Бурденко. Но и при Петре I на этом месте существовало постоянно действующее государственное лечебное учреждение, первое в России. Оно включало в себя госпиталь, медико-хирургическую школу и аптекарский огород. Более 30 лет им руководил, одновременно преподавая анатомию и хирургию, лейб-медик самодержца Николай Бидлоо. Он происходил из известной семьи голландских врачей, приехал в Москву по приглашению в 1702 году.

В целом же история Лефортово берет начало в Немецкой слободе. В ней проживали выходцы из разных стран Западной Европы, но на Руси их всех скопом звали «немцами». Более остальных прославились учителя и друзья молодого Петра: вышеупомянутый Лефорт из Женевы, шотландцы Яков Брюс и Патрик Гордон, собственно немка, фаворитка Анна Монс, будущий генерал-прокурор Павел Ягужинский, выходец из Литвы, голландцы Франц Тиммерман и Карштен Брандт.

В 1702-м вышел петровский манифест, приглашавший иностранцев выбирать для себя любое место жительства. Многие из них устремились вслед за верховной властью в Санкт-Петербург, а также в другие города России. На смену им в Немецкую слободу переселялись люди, близкие к императорскому двору, постепенно та превращалась в своеобразное аристократическое предместье. Некоторые историки полагают, что ее специфические, характеристические особенности в начале XIX столетия сошли на нет, а финальной точкой самобытного существования называют обычно пожар 1812 года, когда слобода почти полностью сгорела. Уцелел донныне лишь «дом Анны Монс», за истекшие века сильно перестроенный. О том, что ко-

Крестовский пруд в Лефортовском парке

Бывший Екатерининский дворец

ФОТОГРАФИИ: РИА НОВОСТИ

гда-то здесь селились преимущественно иностранцы, напоминает теперь разве только сохранившееся в районе Лефортово Введенское (Иноверческое) кладбище, на котором погребены многие известные московские «немцы».

Что же касается непосредственно Музея истории «Лефортово», то о нем рассказывает его руководитель Владимир Дельвиг:

— Посетители, ознакомившись с нашей экспозицией, узнают о том, как жила Немецкая слобода в XVII столетии, как возник район Лефортово, чем замечательна его судьба вплоть до октября 1917-го. Большинство иностранцев, населявших слободу в XVII–XVIII веках, состояли на военной службе. Здесь

Петр I познакомился с западными техническими новшествами и тонкостями ратного дела. Лефортово представляло колоссальное значение для военно-промышленного развития государства, по сути, заложило очень важные и славные национальные традиции. Да и сам по себе факт размещения тут в годы царствования Петра Великого 1-го московского выборного солдатского полка говорит о многом.

В музее неплохо представлено российское, западноевропейское, восточное оружие, экспонируются даже рейтарские доспехи. Наши сотрудники сообщают немало любопытных подробностей. Например, что колесцовый карабин, которым вооружали стрелявшего с колена

рейтара, заводился ключом, а граната некогда называлась «гренадой». Из-за этого новый в то время род войск получил наименование «гренадеры».

У нас имеются бердыш, трезубец, русское пехотное ружье 1814 года с кремнево-ударным замком, наградная офицерская сабля 1822-го, турецкий ятаган примерно начала XIX века, арабское фитильное ружье, студенческая шпага, солдатская шашка, штык от винтовки Бердана, винтовка Мосина... Собранная коллекция реконструкции военной униформы показывает, как та менялась в петровскую эпоху. Мундиры потешных войск, Лефортовского, Семеновского, Преображенского полков, морская форма. Со второй половины позапрошлого столетия все кадетские корпуса Москвы находились на территории нашего района, поэтому для музея умельцы реконструировали и элементы одежды кадета. Кстати, мундир юнкера Алексеевского училища, располагавшегося в Лефортово, нам подарила съемочная группа «Сибирского цирюльника». Военные традиции живы тут и по сей день.

В XIX веке Лефортово стало своего рода центром милосердия, благотворительности. Здесь была крупнейшая в Москве Александровская община сестер «Утоли моя печали». Она обеспечивала уход за ранеными, больными, оказывала помощь вдовам и сиротам. Создательница и настоятельница общины княгиня Наталья Шаховская дружила с известным московским врачом немецкого происхождения Федором Гаазом, некогда отдавшим все свои средства малоимущим. Современники Федора Петровича нарекли его «святым доктором». Именно под его влиянием Шаховская стала заниматься благотворительностью, при общине открыли приют для детей, фельдшерское училище, больницу, амбулаторию, аптеку, богадельню. Сестры носили форму, отличную от других, проект ее

реконструкции выполнила одна из сотрудниц нашего музея. Об их деятельности в годы сербско-турецкой, русско-турецкой, Балканской, Первой мировой войн, эпидемии холеры в Москве и прочих драматических событий дают представление фотографии, архивные документы. Портрет баронессы Марии Розен, последней попечительницы общины, ее потомки подарили музею в день открытия. Старшая сестра Натальи Шаховской княгиня Надежда Трубецкая являлась создательницей «Братолюбивого общества снабжения неимущих квартирами» и финансировала строительство домов, где квартиры предназначались членам семей, потерявших кормильцев — как правило, офицеров, участников битв с османами.

Среди других экспонатов могут вызвать интерес первая масштабная карта Москвы 1739 года, составленная архитекторами Иваном Мичуриным и его тезкой Мордвиновым, фрагмент старинного наборного паркета конца XVII века из «дома Анны Монс». Проживала в этом доме фаворитка или нет, неизвестно, но имеются сведения о том, что с 1706-го его владельцами были представители семейства голландских медиков и купцов Ван-дер-Гульст. Изящный подсвечник на две свечи «Голландец» — творение иноземного мастера из Немецкой слободы.

Также у нас есть подлинная печать шотландского аристократического рода Брюсов. Вилим Брюс, приехав в Россию, поступил на службу к Алексею Михайловичу. Один из сыновей — Яков, военный, дипломат и ученый, был близок, как известно, к Петру Алексеевичу. Брат Якова Роман стал первым обер-комендантом Санкт-Петербурга. На их гербовой печати изображены лев и единорог, надпись «Мы были» указывает на то, что Брюсы в XIV веке, возможно, являлись королями Шотландии. Присутствующая в экспозиции солонка из стекла и металла 1795 года, по

Музей истории «Лефортово» входит в действующее под эгидой городского правительства объединение «Музей Москвы», включающее в себя также Музей археологии Москвы, Старый Английский двор, Музей усадебной культуры Влахернское-Кузьминки, Музей русской гармоники, Музей Дома на набережной. В музее, подведомственные департаменту культуры Москвы, можно бесплатно попасть на День города, в рамках акции «Ночь в музее», во время Дней исторического и культурного наследия. Акции бесплатных посещений проводятся, как правило, и в периоды школьных каникул.

легенде, стояла на столе во время банкета по случаю рождения дочери Павла I. Рядом — редкий экспонат, подлинное женское платье XVIII столетия со складкой Ватто. Демонстрируются старинные хирургические инструменты, учебник анатомии, написанный в 1710 году Николаем (Николаасом) Бидлоо на

русском языке и изданный типографским способом уже в 1979-м.

В XIX — начале XX века бурно развивались промышленность и торговля. В одну из витрин мы поместили шестерню — двойной шеврон. Такие изделия выпускал завод Товарищества «Шестерня-Цитроен», его российское отделение находилось как раз в Лефортово. Владелец предприятия был Андре Ситроен, будущий создатель всем знакомого французского автозоода. Внутри другой витрины — противокавалерийский шип 1905 года, прозванный в народе «чесноком», продукция Товарищества Московского металлического завода (с 1922-го — «Серп и молот»). В этом же зале хранится резная дубовая дверь из императорского поезда. Ее нам передал последний директор Московского вагоноремонтного завода. Кого-то наверняка привлекут фотографии Московского казенного винного склада №1 (ныне завод «Кристалл»), в период Первой мировой войны в его цехах размещался госпиталь.

Свою постоянную экспозицию мы время от времени обновляем. Сейчас собираем свидетельства, относящиеся к истории района предреволюционного периода. Проводим тематические показы и надеемся расширить свое выставочное пространство. Планируем выделить отдельное компьютеризованное помещение для работы с детьми всех возрастов, установить электронные сенсорные киоски.

По программам городских департаментов культуры и образования в музее проводятся самые разные мероприятия — развлекательные, познавательные, обучающие. Например, «Урок в музее» — для упражнений в английском, или «Новый год у боярина Головина» — для совмещения приятного с полезным, веселого празднования с возможностью узнать много нового из отечественной истории.

Приглашаем всех москвичей и гостей города побывать у нас.

Перепечи ПРОТИВ ПИЦЦЫ*

Максим Сырников

В книге «Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым» упоминается следующий обряд: «В Галиче хождение народа происходит ночью, до самого рассвета. Вьюнишники распевают под окнами: «Юница, молодица, подай яйцо в перепечу».

ПЕРЕПЕЧА упомянута и в наиболее известном рассказе о венчании Василия III в 1526 году. Там она особая, большая, свадебная:

«Дружка Государев, благословясь, изрезал перепечу и сыры для всего поезда...» — читаем у Николая Карамзина.

Сейчас перепечи пекут только в некоторых областях России, и вид они имеют совсем простецкий, непримечательный. Больше похожи на традиционную севернорусскую выпечку — калитки, поливохи, налитушки, шаньги. То, что на огромном пространстве от Онеж-

ского озера до Урала называется поливой или наливой, в этом кушанье тоже присутствует. Это специальная густая обмазка из сметаны, масла, яйца.

Нынешние перепечи — из ржаного либо пшеничного теста, круглой формы, с обязательным красивым защипом по всему периметру. Тесто — пресное бездрожжевое — замешивается на масле и сметане. Начинка чаще всего картофельная или мясная. Ну и налива сверху, без нее никуда. Оная, как правило, из сметаны с яйцом. Ржаные перепечи вкуснее с мясной начинкой.

Перепечи с мясом

Тесто:

4 стакана муки

1 яйцо

4 ст. ложки топленого масла

1 стакан молока

1 ст. ложка сахара

Соль — на кончике ножа

Тесто хорошенько вымесить, скатать колбаской. Разделить на шарики с крупный грецкий орех, раскатать тонкими сочня. Затем вылепить из каждого сочня корзиночку с бортиками не выше 1 см.

Начинка:

500 г говяжьего фарша

3 сырых яйца

Стакан сливок 15–25%

Соль, черный перец

Начинка должна быть немного жидковатой и очень нежной. Ею заполняют получившиеся корзиночки, и все это выпекают при температуре 200–220 градусов в течение 20–25 минут. Готовые перепечи смазывают сливочным маслом.

ФОТО: PHOTOPRESS

* Под таким названием проходила общественная акция в Ижевске в 2005 году.

Своя

НОЯБРЬ 2016

КУЛЬТУРА
Духовное пространство русской Византики